

№4
1952

126/
4-52

Иркутск 1954 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СПбГУ

Иркутск
Библиотека
Иркутского областного филиала

4

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 41

Апрель

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

I. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 10 НОЯБРЯ 1944 г.

*Дело Калошина о признании фактических брачных отношений.
Постановление Пленума от 16 ноября 1951 г.*

7 декабря 1949 г. Калошин обратился в народный суд 1-го участка Заводского района, Орловской области, с заявлением о признании его супругом Кузовковой, с которой он состоял в фактических брачных отношениях с 1934 года по день ее смерти в 1948 году. Своим определением от 13 декабря 1949 г. народный суд признал Калошина мужем умершей Кузовковой. 6 февраля 1950 г. Орловский областной суд определение народного суда оставил в силе.

По протесту Прокурора РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 26 апреля 1950 г. определение народного суда и определение областного суда отменила и дело производством прекратила на том основании, что после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. признание

в судебном порядке фактических брачных отношений допустимо только при наличии причин, препятствовавших регистрации брака, — гибель супруга, пропажа его без вести на фронте и др. Между тем Калошин имел возможность оформить отношения с Кузовковой при ее жизни, и каких-либо причин, препятствовавших этому, по делу не установлено.

Рассмотрев 31 марта 1951 г. дело в порядке надзора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР нашла, что Указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и от 10 ноября 1944 г. не преграждают возможности лицам, состоящим в фактических брачных отношениях, оформить свои отношения путем регистрации брака в органах загса, а в случае смерти одного из супругов — путем обращения в суд с за-

p-126/4-522

явлением о признании заявителя супругом умершего, если фактические брачные отношения возникли до издания Указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. и продолжались до смерти одного из этих лиц.

Исходя из этого, Судебная коллегия признала определение Верховного суда РСФСР о прекращении производства по делу неправильным.

Кроме того, Судебная коллегия отметила в определении, что, поскольку установление фактических брачных отношений с Кузовковой Калошину было необходимо для получения наследства после умершей, народному суду надлежало привлечь к делу в качестве заинтересованных лиц детей умершей. По этим основаниям Судебная коллегия отменила все состоявшиеся по делу судебные определения и дело передала в народный суд для нового рассмотрения.

На определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, указывая в протесте, что в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. судебное установление фактических брачных отношений допустимо лишь в тех случаях, когда один из супругов умер или пропал без вести на фронте Отечественной войны. Поскольку в данном деле такие условия отсутствуют, определение суда о признании Калошина супругом умершей Кузовковой противоречит Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в силу которого брачные отношения, не зарегистрированные в установленном порядке после издания Указа от 8 июля 1944 г., правового значения не имеют. На этом основании протестом предлагается отменить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР и оставить в силе определение Судебной коллегии по

гражданским делам Верховного суда РСФСР.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Пленум Верховного суда СССР находит, что мотивы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР о том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., а также последующий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. не преграждают возможности для обращения в суд с заявлением о признании заявителя супругом умершего, с которым заявитель находился до издания Указа от 8 июля 1944 г. в фактических брачных отношениях, являются неправильными.

Согласно ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Фактические брачные отношения с изданием Указа от 8 июля 1944 г. юридического значения не имеют, и лицам, состоявшим в таких отношениях до издания Указа от 8 июля 1944 г. и желающим сохранить эти отношения в дальнейшем, Указ предоставил возможность оформить их путем регистрации брака в органах загса с указанием срока фактической совместной жизни.

Поскольку оформление возникших до Указа от 8 июля 1944 г. фактических брачных отношений путем регистрации брака в ряде случаев могло оказаться невозможным, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. допустил судебный порядок признания фактических брачных отношений в тех случаях, когда вследствие смерти или пропажи без вести в период Отечественной войны одного из супругов фактические брачные отношения не могут быть зарегистрированы согласно ст. 19 Указа от 8 июля 1944 г.

Следовательно, Указ от 10 ноября 1944 г. может быть применен в тех отдельных случаях, когда смерть или пропаша без вести од-

ного из супругов произошла в период Отечественной войны или хотя бы и после окончания Отечественной войны, но фактические брачные отношения, возникшие задолго до издания Указа от 8 июля 1944 г., супруги не могли после издания этого Указа оформить в органах загса по не зависящим от них причинам.

В соответствии с этим применение Указа от 10 ноября 1944 г. к настоящему делу могло иметь место лишь при том условии, если бы по делу было установлено, что задолго до издания Указа от 8 июля 1944 г. между Калошиным и Кузовковой существовали фактические брачные отношения, отвечающие по своим признакам требованиям ст. ст. 11 и 12 КЗоБСО РСФСР и аналогичных кодексов других союзных республик в ранее действовавшей редакции, и что Калошин не имел возможности при жизни Кузовковой оформить их согласно ст. 19 Указа от 8 июля 1944 г.

В этом направлении дело судом не исследовано, и вопрос о том, по какой причине Калошин при жизни Кузовковой не оформил с ней свои отношения путем регистрации брака в органах загса, остался невыясненным.

Между тем выяснение этого вопроса имело для дела существенное значение, так как если окажется, что никаких препятствий зарегистрировать брак с Кузовковой в порядке ст. 19 Указа от 8 июля 1944 г. у Калошина не было, то заявление Калошина о признании его супругом Кузовковой не подлежало удовлетворению тем более, что в деле имеются указания на то,

что Калошин в период совместной жизни с Кузовковой состоял в не-расторгнутом зарегистрированном браке с другой женщиной, что также не проверено судом.

Как усматривается далее из дела, у Кузовковой имеются дети, заявившие свои права на наследство, оставшееся после Кузовковой, и которые оспаривали заявление Калошина о признании его супругом умершей Кузовковой.

Согласно указаниям постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан», народный суд обязан был вызвать к участию в деле в качестве заинтересованных лиц детей умершей Кузовковой и при наличии между ними и заявителем спора о праве наследования прекратить рассмотрение дела в порядке особого производства.

Народный суд это указание Пленума Верховного суда СССР не выполнил и тем лишил заинтересованных лиц возможности вступить в дело для ограждения своих прав и законных интересов.

На основании изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 31 марта 1951 г. оставить в силе, и, включив из него, как неправильные, мотивы в части, касающейся применения и толкования Судебной коллегией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, КАК ОСНОВАННОЕ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ СООБВИЯЕМЫХ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА

*Дело Величко. Определение Судебной коллегии по уголовным
делам от 26 января 1952 г.*

[Извлечение]

По приговору народного суда Локтевского района, Алтайского края, Величко был осужден по совокупности по ст. 109 УК РСФСР, ст. 17 УК РСФСР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда приговор оставлен в силе.

Величко признан виновным в том, что он, работая счетоводом в колхозе Гилевского сельсовета, Локтевского района, и являясь с апреля 1949 года председателем ревизионной комиссии Гилевского сельпо, совместно с Бережной — продавцом магазина № 1 Гилевского сельпо, и Гриценко — бухгалтером Гилевского сельпо, также осужденными по настоящему делу, систематически занимался хищением материальных ценностей из магазина № 1 и, злоупотребляя своим положением, брал в магазине товары в кредит.

Конкретно Величко инкриминируется, что он при производстве ревизий в магазине № 1 у Бережной

скрывал имевшиеся у нее растраты материальных ценностей и, злоупотребляя своим положением, получил у Бережной по частным распискам в кредит водки на 1595 руб. Кроме того, Величко, производя инвентаризацию в магазине № 1 по состоянию на 1 марта 1950 г., совместно с Бережной и Гриценко составил фиктивный акт инвентаризации, увеличив в нем количество товаров в магазине на 12 902 руб. Он же составил фиктивный счет на покупку канцелярских принадлежностей в 1949 году для колхоза на 1337 руб. и присвоил их.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла необходимым изменить квалификацию преступления Величко по следующим основаниям:

Обвинение Величко в получении в магазине № 1 у Бережной по частным распискам в кредит водки на 1595 руб. основано народным судом на противоречивых показаниях Бережной и Гриценко. Так, на предварительном следствии Бережная неоднократно заявляла, что она товары из магазина в кредит не отпускала и ей никто не должен. Затем, когда Бережная стала изобличаться в хищении, она изменила

свои показания, заявив, что отпустила из магазина в кредит Величко водки свыше чем на 1500 руб.

Показания Бережной об отпуске ею Величко водки в кредит не только не находят подтверждения в материалах дела, а, наоборот, опровергаются показаниями свидетелей Чурилова, Ходакова, Терешина и Шитовой, показавших, что в момент производства ревизии в магазине и снятия остатков товаров в связи с освобождением Бережной от работы в магазине она заявила, что ей никто не должен.

Величко, не отрицая того факта, что он брал в магазине водку, показал, что он всегда рассчитывался с Бережной за взятую им в магазине водку.

Гриценко, неоднократно изменявшая свои показания по вопросу получения Величко в магазине № 1 водки в кредит, в судебном заседании заявила, что ей ничего не известно о расчетах Величко с Бережной за получаемую им в магазине водку.

Таким образом, противоречивые показания Бережной и Гриценко о получении Величко в магазине в кредит водки на 1595 руб., носящие по своему содержанию характер оговора Величко с целью избежания ответственности за совершенные ими хищения материальных ценностей из магазина, не могут служить доказательствами обвинения его. Объективных же данных, подтверждающих это обвинение Величко, в деле не имеется.

Обвинение Величко в подделке инвентаризационной описи-акта основано народным судом только на показаниях Гриценко, которые и по этому вопросу крайне противоречивы и носят характер оговора Величко. После того, как комиссией, производившей ревизию деятельности Бережной и Гриценко, были представлены фиктивные документы, изблотившие ту и другую в хищении материальных ценностей, Гриценко заявила, что инвентариза-

ционная опись-акт о наличии материальных ценностей в магазине № 1 по состоянию на 1 марта 1950 г. подделана Величко, а в дальнейшем отказалась от этих показаний.

Как свидетельствуют материалы дела, переоценка товаров и других ценностей по состоянию на 1 марта 1950 г. в магазине Гилевского сельпо производилась специальной инвентаризационной комиссией под председательством бухгалтера Плотникова. Данными дела, в частности бухгалтерскими документами, установлено, что увеличение остатков товаров в магазине № 1 по состоянию на 1 марта 1950 г. в инвентаризационной описи-акте произвели Гриценко и Бережная, непосредственно отчитывавшиеся за работу и представлявшие документы комиссии, а Величко, как и другие члены комиссии и председатель комиссии, не сверив итоги товаров в инвентаризационной описи-акте с документами, подписал ее. Обвинение же Величко в подделке инвентаризационной описи-акте является необоснованным.

По делу действительно установлено, что Величко составил акт на покупку им для колхоза в 1949 году канцелярских принадлежностей на 1337 руб., в том числе и конвертов на 154 руб., и отчитался этим актом в израсходовании 1337 руб., однако собранные по делу данные не дают оснований для обвинения его в присвоении указанной суммы. Свидетель Чебоненко показала, что когда она работала продавцом в Гилевском сельпо, то Величко покупал в сельпо канцелярские принадлежности. Факт приобретения Величко канцелярских принадлежностей для колхоза был подтвержден и представленными Величко в судебное заседание документами, хранящимися в колхозе. В данном случае виновность Величко можно считать доказанной лишь в том, что он сразу не отчитывался в израсходовании средств на покупку канцелярских принадлежностей, а составил акт о расходах на канцеляр-

ские принадлежности за весь 1949 год и подделал на этом акте подпись работника колхоза — Никулина.

Таким образом, по делу доказано лишь то, что Величко преступно-халатно относился к производству

ревизий в магазине № 1 Гилевского сельпо и подделал акт при отчете в израсходовании денег на покупку канцелярских принадлежностей, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. 111 и ч. 2 ст. 120 УК РСФСР.

2. ПОСОБНИЧЕСТВО ПРЕДПОЛАГАЕТ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ПОСОБНИКА О ПРЕСТУПНОМ ХАРАКТЕРЕ ДЕЙСТВИИ ИЛИ НАМЕРЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УМЫШЛЕННОЕ ОКАЗАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИБО ЕГО СОКРЫТИИ

Дело Бордукова. Определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 26 декабря 1951 г.

По приговору линейного суда Московско-Курской ж. д., оставленному в силе определением окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа, Бордуков в числе других осужден по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

По настоящему делу осуждена группа работников Московского ликеро-водочного завода, а также работников станции Москва-II Товарная Московско-Курской ж. д., которые расхищали спирт из хранилищ спиртоприемного цеха завода, причинив тем самым государству крупный ущерб.

Суд признал Бордукова виновным в том, что, будучи директором завода, он не только не вел борьбы с расхитителями спирта, но своими действиями способствовал хищению и, кроме того, сам разбазаривал ликеро-водочные изделия.

В 1947 г. с ведома Бордукова была скрыта недостача 1080 дл спирта. Далее в приговоре указано, что, зная о недостаче спирта в количестве 381,04 дл, выявленной в результате инвентаризации на 28 июня 1948 г., Бордуков запретил отражать ее по бухгалтерскому учету и вместо расследования причин недостачи, выявления виновных

и принятия мер к усилению контроля и охраны государственного имущества стал на путь укрывательства хищения и недостачи спирта.

В целях укрывательства недостачи 4442 дл спирта, дополнительно установленной при проведении инвентаризации спирта на 10 ноября и 31 декабря 1948 г., Бордуков вместе с осужденным по этому же делу Кальниным принял меры к списанию необоснованных трат и дал указание не отражать недостачу спирта по бухгалтерскому учету в годовом балансе за 1948 год.

В июне 1949 года, после установления комиссией Министерства пищевой промышленности СССР недостачи спирта в количестве 9586 дл, Бордуков назначил новую комиссию, которая по его указанию составила фиктивный акт от 25 июня 1949 г. на списание в расход 3782,7 дл спирта как потери во время производства работ по очистке и измерению емкостей в июле—августе 1948 года, и, кроме того, вуалируя недостачу спирта, Бордуков подписал 23 июня 1949 г. приказ № 57 о списании по спиртоприемному цеху трат при хранении спирта с завышением установленных норм на 1011 дл.

Суд признал также Бордукова виновным в том, что, зная о порочности существовавшей на заводе пропускной системы и о ненормальном порядке отпуска спирта спиртоприемным цехом, создавших воз-

возможность хищения спирта, он не принял мер к устранению этих недостатков.

Помимо того, согласно приговору Бордуков систематически для личных потребностей получал из цеха завода спиртные напитки, а также раздавал их посторонним лицам.

В течение 1947—1948 годов он выдал бесплатно и без учета по 0,5 л ликера своему секретарю и директору подсобного хозяйства, отправил три свертка, в которые были упакованы образцы продукции завода, начальнику станции Крюкову и четыре ящика водки рабочим подсобного хозяйства завода.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос о необоснованном осуждении Бордукова как пособника в расхищении спирта.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Признав Бордукова виновным в пособничестве в хищении спирта на заводе, суд в приговоре указал, что Бордуков, зная об имевших место хищениях спирта, не только, как директор, не вел борьбы с этими хищениями, но стал на путь их укрывательства. Этот вывод суда не основан на материалах дела.

По делу не установлено, чтобы Бордуков находился в сговоре с другими лицами, осужденными по настоящему делу за хищение спирта, или был осведомлен об их преступных действиях и намеренно содействовал им.

В приговоре имеется ссылка на то, что виновность Бордукова в соучастии в хищениях спирта подтверждается показаниями осужденных Кальнина, Архарова и Швындовой и свидетелей Ершова, Панова, Порфирьева и Вишняцкого.

Однако ни одно из указанных выше лиц в своих показаниях на суде не изобличало Бордукова в соучастии в расхищении спирта.

Осужденный Архаров на суде показал, что «дирекция не могла не знать о сокрытии недостачи» спир-

та, выявленной за период май—июнь 1947 года.

Такие показания Архарова не могут быть положены в основу обвинения Бордукова в укрывательстве хищений спирта, во-первых, потому, что они неубедительны и выражают лишь предположение об осведомленности Бордукова в сокрытии недостачи 1080 дл спирта и, во-вторых, Архаров в июне 1948 года был осужден за хищение спирта по материалам, переданным Бордуковым органам следствия. Поэтому его показания в отношении Бордукова нельзя признать объективными.

Осужденный же Кальнин подтвердил, что Бордуков, получив его первую докладную записку о недостаче спирта, был крайне возмущен и предложил этот факт немедленно расследовать. Однако, не желая портить отношения с другими начальниками цехов, он (Кальнин) написал другую докладную записку на имя Бордукова, в которой обманул последнего, указав, что никакой недостачи спирта нет.

Подсудимая Швындова показала, что фиктивный акт от 30 июня 1947 г. ею был подписан по предложению Кальнина без проверки наличия спирта в цехе. Бордукова она ни в чем не изобличала.

Неосновательны также утверждения суда о том, что Бордуков, зная о недостачах спирта по спиртоприемному цеху, выявленных в результате инвентаризации на 28 июня 1948 г. в количестве 381,04 дл, а также на 10 ноября и 31 декабря 1948 г. в количестве 4442 дл, дал указание не отражать их по бухгалтерскому учету и в годовом балансе за 1948 год.

Как видно из материалов дела, инвентаризация спирта производилась путем рулеточного измерения, и, по заключениям самих инвентаризационных комиссий, а также комиссии Министерства вкусовой промышленности СССР, производившей ревизию завода, и по показаниям на суде ряда свидетелей —

Васина, Савицкого, Стлина, Вишняцкого и других, такое измерение носило сугубо ориентировочный, неточный характер.

О резком расхождении результатов между рулеточным измерением, применявшимся при инвентаризациях спирта, и последующим измерением цистерн мерниками свидетельствуют имеющиеся в деле акты ревизии, произведенной комиссией Министерства вкусовой промышленности СССР, и справка главного инженера и главного бухгалтера завода.

Кроме того, в деле имеется заключение начальника Главной спиртовой инспекции, из которого видно, что при наличии на заводе около 500 000 дл спирта точность замера его произвести почти невозможно. Поэтому сделать вывод о наличии сверхпредельных трат или излишков будет рискованно, а действительные траты возможно установить только замером через мерники.

В силу этих обстоятельств, как показал на суде свидетель Панов — главный бухгалтер завода, он по своей личной инициативе, а не по указанию Бордукова не отразил в годовом балансе за 1948 год недостачу спирта, так как не было еще окончено переизмерение емкостей, а без этих окончательных результатов нельзя было признать достоверными и предварительные данные о недостатке спирта, выявленной при инвентаризации.

Независимо от этого, хотя в объяснительной записке главного бухгалтера к балансу за 1948 год было указано о результатах инвентаризации спирта на 1 января 1949 г., балансовая комиссия главка никаких замечаний по представленному балансу завода и объяснительной записке, приложенной к нему, не сделала.

Таким образом, обвинение Бордукова в том, что по его указанию бухгалтерия скрывала недостачи спирта, опровергается тем фактом, что о недостачах было известно

и главку и Главной спиртовой инспекции.

Указание в приговоре о том, что в июне 1949 года, после установления ревизией Министерства пищевой промышленности СССР недостачи спирта в количестве 9586 дл, Бордуков с целью сокрытия ее дал указание о составлении фиктивного акта на списание 3782,7 дл спирта, находится в явном противоречии с материалами дела.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Ершов подтвердил, что при составлении первоначального акта об измерении емкостей завода комиссия, которую он возглавлял, действительно не учла грязь, ушедшую в канализацию при промывке цистерн. Поэтому с учетом опыта, произведенного заведующей лабораторией завода Рупневской, они составили новый акт, в который включили дополнительно количество неучтенной ими ранее грязи, ушедшей из цистерн с водой, не усматривая в этом никакого мошенничества с целью сокрытия недостачи спирта.

О том, что при составлении нового акта не преследовалось никаких преступных целей, подтвердили на суде осужденные Кальнин и Андреев и свидетели Рупневская, Муравьев, Савицкий, Петров и другие.

Это обстоятельство подтверждается также тем, что по указанному акту не только не произведено списания спирта, но даже и не предпринималось каких-либо попыток к списанию. Этот акт был направлен на имя председателя комиссии Министерства пищевой промышленности СССР, производившей ревизию на заводе, с просьбой при зачистке цистерн установить порядок очистки, технически обосновывающий фактическое количество грязи, находящейся в них.

Суд ошибочно указал в приговоре, что Бордуков незаконно списал по спиртоприемному цеху за время с 1 января по 1 июня 1949 г. траты при хранении спирта на 1011 дл больше установленных норм. Из

приложенной к жалобе Бордукова справки заместителя главного бухгалтера завода видно, что указанное списание трат было произведено не за шесть месяцев, как отмечается в приговоре, а за 14 месяцев, т. е. за время с 1 апреля 1948 г. по 1 июня 1949 г. и в пределах соответствующих норм.

В приговоре указано, что, несмотря на частное определение Московского областного суда от 28 июня 1948 г., по другому уголовному делу, в котором отмечалось, что основным каналом для хищения спирта является отпуск спирта различным предприятиям для технических надобностей, Бордуков не принял мер к упорядочению системы отпуска.

Между тем из имеющихся в деле материалов видно, что Бордуков неоднократно — 1 апреля 1947 г., 25 июня 1947 г. и 19 марта 1948 г. ставил вопрос перед главком, а затем непосредственно перед министром об освобождении завода от отпуска спирта предприятиям для технических надобностей. Только с 1 мая 1948 г. Бордуков добился, что главк выполнил приказ министра по этому вопросу, и отпуск спирта для технических надобностей был прекращен.

Нет также достаточных оснований и для обвинения Бордукова в получении с завода спирта и ликеро-водочных изделий для личных надобностей.

Осужденный Архаров показал на суде, что он выдал Бордукову 1 л спирта лично и 2 л через коменданта Демкина.

Эти показания Архарова нельзя признать объективными тем более, что последний сам признал на суде, что «наговорил» на Бордукова больше, чем следовало.

Допрошенный по этому поводу Демкин показал, что 2 л спирта по указанию Бордукова он получил и отослал его в главк как об-

разцы. Это же обстоятельство подтвердил и осужденный по делу Кальнин.

По приведенным основаниям Железнодорожная коллегия считает, что соучастие Бордукова в хищении спирта на заводе материалами дела не доказано. Поэтому действия его по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. квалифицированы неосновательно.

Вместе с тем по делу установлено, что Бордуков преступно-халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Располагая предварительными данными инвентаризационных комиссий о недостатках спирта, своевременно не принял необходимых мер к перепроверке их и не вскрыл во-время причины этих недостатков, а также не упорядочил пропускную систему на заводе, что привело к крупным хищениям спирта.

Кроме того, Бордуков, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно отпустил для рабочих подсобного хозяйства завода бесплатно 4 ящика водки, а также отпустил бесплатно и без надлежащего оформления своему секретарю 0,5 л ликера, директору подсобного хозяйства 0,5 л ликера и направлял безучетно образцы ликеро-водочных изделий в главк.

Указанные выше действия Бордукова подлежат квалификации по ст. ст. 111 и 109 УК РСФСР.

Соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Московско-Курской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа в отношении Бордукова изменить; переквалифицировать действия Бордукова со ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР.

новным в том, что в ночь на 21 апреля он по предварительномуговору с осужденным по данному делу Алиевым похитил с фермы колхоза имени Багирова села Кизыл-Килиса двух коров и погнал их по шоссеиной дороге в сторону села Больниси. По дороге их встретили колхозники колхоза имени Багирова. Увидев, что они замечены, Шамши Мирзаоглы и Алиев бросили коров и убежали. Коровы были отведены и сланы в колхоз.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор и определение в отношении Шамши Мирзаоглы подлежат отмене по следующим основаниям:

Шамши Мирзаоглы виновным себя в краже коров не признал и показал, что с 19 по 21 апреля он находился у себя дома и посещал школу в селении Арахло, поэтому участвовать в краже коров совместно с Алиевым в селении Кизыл-Килиса в ночь на 21 апреля он не мог.

На предварительном следствии Алиев показал, что совместно с ним в краже принимал участие и Шамши Мирзаоглы, однако на суде он отказался от ранее данных им показаний.

Суд в доказательство обвинения Шамши Мирзаоглы сослался на показания свидетелей Меджита и Мансурова. Однако из этих двух свидетелей Мансуров ни на предварительном следствии, ни на суде не показывал, что из тех лиц, которые гнали коров, он в одном опознал Шамши Мирзаоглы.

5. ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР ОСТАВЛЕН В СИЛЕ, ТАК КАК СУД ПРАВИЛЬНО ОТВЕРГ ОБВИНЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ ТОЛЬКО НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ СООБВИЯЕМОГО, НЕ ПОДКРЕПЛЕННЫХ ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Городецкого и других. Определение Водно-транспортной коллегии от 2 февраля 1952 г.

По приговору линейного суда Балтийского бассейна Городецкий осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответствен-

С другой стороны, суд не поверил показаниям ряда свидетелей, подтвердивших на предварительном следствии алиби Шамши Мирзаоглы (на суде они не допрашивались), а также справке, выданной школой селения Арахло, и вынес Шамши Мирзаоглы обвинительный приговор. Одновременно суд вынес частное определение, в котором указывает дословно следующее: «Представленная справка Арахлинской средней школы вызывает сомнение, в силу чего в отношении директора Арахлинской средней школы выделить материалы и направить на расследование дело по признакам ч. 2 ст. 126 УК Грузинской ССР».

Суд, сомневаясь, насколько справка, выданная Арахлинской средней школой, соответствует действительности, обязан был вместо вынесения частного определения обратиться к доследованию и выяснить, действительно ли Шамши Мирзаоглы с 19 по 21 апреля включительно занимался в школе. По делу необходимо проверить классный журнал и допросить свидетелей по этому поводу.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда Дманисского района Грузинской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Шамши Мирзаоглы отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях со взысканием 1240 р. 60 к. в пользу «Ленсев-

морстроя» и оправдан Лесников, обвинявшийся по ст. 2 того же Указа от 4 июня 1947 г.

Рассмотрев кассационную жалобу Городецкого и кассационный протест прокурора Ленинградского бассейна, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР установила.

Городецкий признан виновным в том, что он, будучи шофером конторы «Ленсевморстрой», в конце апреля 1950 года при перевозке на автомашине грузов похитил 1000 кг цемента, а 6 мая 1950 г. Городецкий, воспользовавшись отсутствием охраны, похитил на станции Стрельна 172 листа кровельного железа, прибывшего в адрес «Ленсевморстроя». Похищенные материальные ценности Городецкий продал разным лицам, а деньги израсходовал на свои личные нужды.

Преступными действиями Городецкий причинил ущерб на сумму 1240 р. 60 к.

В жалобе Городецкий просит смягчить наказание.

Лесников обвиняется в том, что он, являясь грузчиком той же конторы «Ленсевморстрой», по сговору с Городецким похитил совместно с последним в апреле 1950 года цемент и в мае того же года кровельное железо.

Суд вынес Лесникову оправдательный приговор за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

В протесте прокурор Ленинградского бассейна просит приговор отменить, считая, что Лесников являлся соучастником хищения цемента и кровельного железа и виновность его в совершении этого преступления по делу доказана.

Рассмотрев дело, Коллегия не усматривает оснований к отмене приговора.

Городецкий в совершении преступления уличается свидетельскими показаниями Попова, показаниями Нефедова, осужденного по настоящему делу, и Лесникова, оправдан-

ного по этому же делу. Признал себя виновным и сам осужденный. Таким образом, преступление Городецкого доказано. Квалифицированы преступные действия Городецкого также правильно. Что касается просьбы Городецкого о смягчении наказания, то последняя не может быть удовлетворена, так как мера наказания судом избрана правильно, с учетом обстоятельств дела и личности осужденного.

Протест прокурора на оправдательный приговор в отношении Лесникова подлежит отклонению.

Лесников виновным себя не признал. Установлено, что Лесников, как только узнал о совершенном Городецким хищении стройматериалов, сразу же заявил о хищении в милицию. Это подтверждается имеющимся в деле письменным заявлением Лесникова на имя начальника милиции и показаниями свидетеля Терезова.

Обвинение Лесникова основывается исключительно на показаниях Городецкого, которые он неоднократно изменял. Городецкий еще на предварительном следствии давал показания, из которых видно, что он, Городецкий, не говорил Лесникову о хищении железа, а обещал лишь Лесникову уплатить деньги за погрузку и разгрузку железа. На предварительном следствии Городецкий утверждал, что дал Лесникову 30 руб. за помощь, оказанную при погрузке железа, а на суде, изменив свои показания, заявил, что Лесникову в три приема дал якобы 900 руб. и что инициатором хищения цемента и железа был будто Лесников. Суд правильно вынес Лесникову оправдательный приговор, ибо противоречивые показания Городецкого не могли быть положены в обоснование обвинения Лесникова. Никаких других данных, которые бы изобличали Лесникова в совершении преступления, по делу не добыто, и утверждение Лесникова, что участия в хищении стройматериалов он не принимал, ничем по делу не опровергнуто.

Руководствуясь ст. 436 УПК РСФСР, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор оставить в силе, а кассационную жалобу Городецкого и кассационный протест прокурора отклонить.

6. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ, ВЫЗЫВАЮЩИХ СЕРЬЕЗНЫЕ СОМНЕНИЯ В ИХ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Дело Петрукевича и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 января 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка Варенского уезда, оставленному в силе Верховным судом Литовской ССР, были осуждены по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» Петрукевич, Юкневичус, Денутис и три брата Каралькевичусы—Юозас, Антонас и Казимирас.

Петрукевич, Юкневичус, Денутис и три брата Каралькевичусы признаны виновными в том, что 28 ноября в 11 часов вечера, договорившись между собой, пытались совершить ограбление хозяйства гражданина Русаковского Никодимса.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор и определение в отношении всех осужденных подлежат отмене по следующим основаниям:

Из показаний Русаковского Никодимса, его жены Русаковской Елены и дочери Русаковской Гени следует, что 28 ноября в 10—11 часов вечера в хозяйство Русаковского явились все указанные осужденные. Петрукевич начал стучать в двери, а остальные стояли в некотором отдалении и наблюдали. Когда Русаковский вышел к Петрукевичу, то последний потребовал от него 500 руб. деньгами и сала. На отказ Русаковского удовлетворить требование Петрукевича последний начал его избивать кулаками по лицу, голове и спине.

Избив Русаковского, Петрукевич приказал ему пойти обратно в дом, а сам вызвал его жену—Русаковскую Елену, от которой также по-

требовал 500 руб. и сала. Когда Русаковская отказалась выполнить эти требования, то Петрукевич ее также избил. Но когда Русаковская Геня крикнула матери через окно, что она опознала братьев Каралькевичусов и Денутиса, тогда Петрукевич и остальные соучастники удалились и направились к хозяйству Каралькевичуса Антонаса.

В это время Русаковская Елена пошла к своему соседу Якелевичусу Эдвардасу, которому рассказала о происшествии и попросила его помочь опознать всех участников попытки совершить ограбление, на что Якелевичус дал свое согласие. Подойдя к дому Каралькевичуса Антонаса, Русаковские Елена и Никодимс стали смотреть через окно, а Якелевичус вошел в дом, где нашел троих братьев Каралькевичусов, Петрукевича, Юкневичуса, Денутиса и ряд других лиц, которые выпивали самогон. Петрукевич начал придирается к Якелевичусу и, когда последний вышел из дому, нанес ему удар по голове твердым предметом.

Народный суд признал подсудимых виновными в попытке совершить ограбление на основании указанных показаний членов семьи Русаковских. Однако обстоятельства дела народным судом с достаточной тщательностью не исследованы, приговор составлен с нарушением ст. 334 УПК РСФСР, без указания, в чем конкретно выражается вина каждого из подсудимых и чем их обвинение доказано.

Из материалов дела видно, что это дело было возбуждено по заявлению Якелевичуса Эдвардаса, кото-

рое он подал органам милиции 19 декабря, т. е. три недели спустя после происшествия, и указал, что 28 ноября его избил Петрукевич. О попытке ограбить Русаковских в этом заявлении ничего не было сказано, и против Петрукевича было лишь возбуждено дело по обвинению по ч 1, ст. 142 УК РСФСР.

Определением подготовительного заседания народного суда 1-го участка Варенского уезда дело было направлено на следствие для привлечения Петрукевича и его сообщников по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Обвиняемые Петрукевич, Юкневичус, Денутис и братья Каралькевичусы как на предварительном следствии, так и в судебном заседании категорически отрицали свою вину в совершении попытки ограбить Русаковских, утверждая, что 28 ноября вечером они находились в доме Каралькевичуса Антонаса на вечеринке и никуда не выходили. Это обстоятельство также подтвердили свидетельницы Денутайте и Каралькевичене Елена.

Свидетель Нарушевич Бронислав показал, что 28 ноября в 10 часов вечера он зашел со своим братом к Каралькевичусу А., где застал братьев Каралькевичусов, братьев Денутисов и Петрукевича, которые все выпивали. Там он видел также и Якелевичуса.

Эти обстоятельства также подтвердил и свидетель Нарушевич Константин.

Свидетель Якелевичус на судебном заседании показал, что он заходил к Каралькевичусу, примерно, в 10—11 часов вечера. Однако это показание противоречит его показанию, данному на том же судебном заседании, в котором он утверждал, что Русаковская пришла к нему в 12 часов ночи. Учитывая то обстоятельство, что Якелевичус, по его показанию, зашел к Каралькевичусу после прихода Русаковской, естественно, возникает вопрос, какое же

показание Якелевичуса является правдивым.

Имеются расхождения и в показаниях Русаковской Елены, ее мужа и дочери. Русаковская Е. показала, что попытка ограбления имела место 28 ноября вечером, а Русаковский Н. и его дочь утверждали, что это произошло ночью. Указанные расхождения народным судом не были уточнены.

Суд также достаточно не выяснил всех обстоятельств попытки ограбления. Из показаний Русаковского следует, что Петрукевичу он предлагал сала, однако грабители его не взяли. Это показание Русаковского не вяжется с его дальнейшими показаниями, а также с показаниями его жены и дочери о том, что Петрукевич избивал за отказ дать сала и 500 руб. деньгами. Сам факт избивания Русаковского и его жены также недостаточно выяснен, по делу отсутствуют медицинские справки о характере нанесенных им побоев. Также не выяснено, каким образом дочь Русаковского могла в темную ночь через окно опознать братьев Каралькевичусов и Денутиса, если они к дому не подходили и стояли в отдалении от него. Даже Русаковский на предварительном следствии показал, что когда его у дверей дома избил Петрукевич, то он увидел еще четырех человек, стоявших метрах в десяти от дома, но опознать их не мог.

Суд не выяснил взаимоотношений обвиняемых с потерпевшими. Между тем из показаний подсудимых Каралькевичусов следует, что отношения у них с Русаковскими неприязненные. Далее в жалобе, поданной женой осужденного Юкневичуса, указывается, что Русаковские и Якелевичус поддерживают якобы связь с преступными элементами и что Русаковская Елена и Якелевичус Эдвардас находятся в настоящее время под стражей.

От выяснения указанных обстоятельств зависит оценка объективности показаний свидетелей Руса-

ковских и Якелевичуса, на которых лишь и обоснован приговор.

Кроме этого следует указать, что народный суд допустил грубое нарушение ст. ст. 80, 235, 281 и 309 УПК РСФСР.

В деле отсутствуют точные данные о том, были ли вручены копии обвинительного заключения обвиняемым Денутису и Каралькевичусу К. Из приложенных расписок следует, что копии обвинительного заключения были вручены лишь Петрукевичусу, Юкневичусу, Каралькевичусу Антонасу и Каралькевичусу Юозасу. Денутис даже в своей кассационной жалобе указывал, что копии обвинительного заключения он не получил. В протоколе же судебного заседания не указано, когда копии обвинительного заключения обвиняемым были вручены.

Протокол судебного заседания оформлен небрежно, при перечислении не указаны все обвиняемые,

искажены имена и фамилии подсудимых, из дела также не видно, было ли предоставлено последнее слово подсудимым Каралькевичусу Казимирасу и Каралькевичусу Юозасу. Кроме того, в приговоре не указан год рассмотрения дела, а также в некоторых местах не указано название Указа от 4 июня 1947 г.

Вместо того, чтобы указать народному суду на допущенные ошибки и передать дело на новое рассмотрение, Верховный суд республики приговор оставил в силе.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Варенского уезда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение.

7. ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ РАБОТНИКАМИ ТРАНСПОРТА ПО СТ. 59^а УК РСФСР ДОЛЖНО БЫТЬ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ЭТИ НАРУШЕНИЯ ПОВЛЕКЛИ ИЛИ МОГЛИ ПОВЛЕЧЬ ПОСЛЕДСТВИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ДИСПОЗИЦИЕЙ ЭТОЙ СТАТЬИ

Дело Буянова и других. Определение Железнодорожной коллегии от 9 января 1952 г.

По приговору линейного суда Восточно-Сибирской ж. д., оставленному в силе окружным судом железнодорожного транспорта Дальне-Восточного округа, Ваганов и Буянов в числе других осуждены по ч. 1 ст. 59^а УК РСФСР.

Буянов признан виновным в том, что, работая начальником станции Восточно-Сибирской ж. д. и самоустранившись от руководства коммерческой работой станции, не обеспечил обязательной проверки вагонов и их перевески при выгрузке хлебных грузов, не проверял сведений об отвесах, составляемых весовщиками, а работники станции, воспользовавшись этим, составляли фиктивные коммерческие акты. Ваганов, будучи помощником начальника той же станции, так же как и Буянов, не контролировал и не

руководил работой подчиненных ему по службе весовщиков, не присутствовал при выгрузке из вагонов и не проверял сведений, составляемых весовщиками о недостатке хлебных грузов, на основании которых составлялись коммерческие акты на недостачу груза.

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором ставит вопрос о переквалификации действий Ваганова и Буянова с ч. 1 ст. 59^а УК РСФСР на ст. 111 УК РСФСР.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия установила:

Виновность Буянова и Ваганова в халатном отношении к своим обязанностям по руководству коммерческой работой станции и по контролю за работой подчиненного им аппарата доказана. Однако действия

их квалифицированы неправильно. Для применения к ним ст. 59^{3в} УК недостаточно того, что они являются работниками транспорта и незаконные их действия или бездействие относятся к нарушениям трудовой дисциплины. Нарушение трудовой дисциплины работником транспорта должно квалифицироваться по ст. 59^{3в} УК в случаях, если эти нарушения повлекли или могли повлечь за собою последствия, предусмотренные в диспозиции этой статьи. Поскольку нарушения трудовой дисциплины, допускаясь Буяновым и Вагановым по халатно-

сти, последствий, предусмотренных ст. 59^{3в} УК РСФСР, не повлекли и не могли повлечь, их действия следуют квалифицировать по ст. 111 УК РСФСР.

Соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Восточно-Сибирской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Дальне-Восточного округа в отношении Буянова и Ваганова изменить, действия их с ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР переквалифицировать на ст. 111 УК РСФСР.

8. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА ОБ ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА И ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСТАВЛЕНО В СИЛЕ, ЕСЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ НЕ ОПРОВЕРГНУТЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВУ ПРИГОВОРА

Дело Медведева и Самборской. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 декабря 1951 г.

Одесским областным судом осуждены по ч. 3 ст. 68 УК УССР Медведев и Самборская¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР приговор областного суда в отношении Медведева и Самборской отменила, дело производством прекратила и одновременно вынесла частное определение о доведении до сведения Министра юстиции УССР и Прокурора УССР о неправильном привлечении к уголовной ответственности Медведева и Самборской.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения и частного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР и возвращении дела на новое рассмотрение кассационных жалоб осужденных, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Медведев и Самборская признаны виновными в том, что они, окончив аспирантуру при Одесском медицинском институте в 1941 году и не

защитив диссертаций в связи с обстоятельствами военного времени, добыли фиктивные справки о том, что они якобы защитили диссертации и удостоены ученой степени кандидата медицинских наук.

Используя эти фиктивные справки, Медведев и Самборская занимали должности старших научных сотрудников в научно-исследовательских институтах, пользовались всеми льготами, предоставленными советским ученым, добились обманым путем получения дипломов на звание кандидата наук и присвоения им научного звания доцентов.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР подлежит отмене, а дело возвращению на новое кассационное рассмотрение в Верховный суд УССР по следующим основаниям:

Прекращение дела мотивировано недоказанностью вины Медведева и Самборской, а также ссылкой на то, что привлечение их к уголовной ответственности явилось следствием ненормальных взаимоотношений между Медведевым и Самборской и их научным руководителем в институте.

¹ Ст. 68 УК УССР соответствует ст. 72 УК РСФСР.

Между тем из материалов дела видно, что Медведев и Самборская в 1941 году окончили аспирантуру при Одесском медицинском институте и по день эвакуации из г. Одессы (июль 1941 года) диссертаций на соискание ученой степени кандидата медицинских наук при Одесском медицинском институте не защищали.

Находясь во время Отечественной войны в г. Алма-Ата, они представили директору Алма-Атинского физиологического института Академии наук СССР выписку из приказа по Одесскому медицинскому институту от 28 июня 1941 г. о защите диссертации и присвоении им ученым советом Одесского медицинского института звания кандидата медицинских наук.

Медведев и Самборская были зачислены на работу в институт переливания крови на должности научных сотрудников, где работали по 1945 год, считаясь кандидатами медицинских наук.

В деле имеются данные о том, что, возвратившись в 1945 году в г. Одессу и установив, что архив медицинского института сохранился, Медведев в целях подтверждения факта защиты им и Самборской диссертации добился от технического секретаря медицинского института Солянниковой внесения своей фамилии и фамилии жены в журнал регистрации лиц, защищавших диссертации.

На основании этой записи, как показал профессор медицинского института Марельзон, оформлявший в 1945 году, по поручению директора института, справки на научных работников медицинского института для представления в Горторготдел, он выдал Медведеву и Самборской справки о том, что они действительно являются кандидатами медицинских наук.

Нотариально заверив справки, Медведев и Самборская копии их направили в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве высшего образования СССР, откуда в июле 1945 года на основании этих

справок получили дипломы о присвоении им ученой степени кандидата медицинских наук.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что дипломы были выданы Медведеву и Самборской вопреки существующему положению, непосредственно в Высшей аттестационной комиссии на основании телеграммы, полученной от директора Одесского медицинского института Гаспаряна, якобы разрешающего выдать Медведеву и Самборской дипломы на руки.

Между тем, как показал на следствии профессор Гаспарьян, он указанной выше телеграммы в Высшую аттестационную комиссию не направлял.

К моменту рассмотрения дела в судебном заседании Одесского областного суда на отдельное требование областной прокуратуры из Академии наук СССР поступило личное дело докторанта Медведева, в котором имеется копия справки о том, что Медведев защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук 26 марта 1941 г. Справка выдана Одесским медицинским институтом 9 апреля 1941 г. за № 1212 за подписью профессора Матусиса и секретаря Солянниковой.

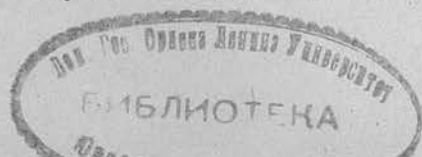
Оригинал этой справки, как свидетельствует расписка Медведева, был взят Медведевым для снятия нотариальной копии с обязательством возвращения оригинала. Однако вместо оригинала он возвратил копию справки.

Допрошенный в суде профессор Матусис заявил, что он никогда такой справки не подписывал, что она является фиктивной и что ни в марте, ни в июне 1941 года Медведев диссертации не защищал.

То же самое в суде подтвердила секретарь Солянникова.

Таким образом, у Медведева на руках оказались две справки, а именно: одна о том, что он защищал диссертацию 26 марта 1941 г., а вторая о том, что он защищал диссертацию 28 июня 1941 г., причем профессор Матусис и доцент Розман,

p-120/4-522

подписи которых имеются на справках, категорически отрицают выдачу этих справок и защиту Медведевым диссертации.

Высшая аттестационная комиссия по ходатайству ученого совета Одесского медицинского института об аннулировании дипломов, выданных Медведеву и Самборской, после тщательной проверки пришла к выводу, что дипломы были выданы незаконно на основании фиктивных документов, и своим решением от 26 декабря 1950 г. лишила Медведева и Самборскую дипломов кандидата медицинских наук.

9. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК ПОДСУДИМЫЙ БЫЛ ПРИЗНАН ВИНОВНЫМ В СПЕКУЛЯЦИИ БЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА, — БЫЛИ ЛИ ЗАКУПЛЕНЫ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПЕРЕПРОДАЖИ С ЦЕЛЬЮ НАЖИВЫ

Дело Инна. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 января 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка Ингеваского района Эстонской ССР Инн был осужден по ст. 107 УК РСФСР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР приговор в отношении Инна оставлен в силе.

Инн признан виновным в том, что он, проживая в Ингеваском районе Эстонской ССР в целях спекуляции занимался скупкой и перепродажей лесоматериала. В частности, лесоматериал, купленный им на лесоучастке Куристе и также у гр-на Лампсона, Инн распилил на доски, которые продал гр-ну Суурману за 2000 руб.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что дело подлежит передаче на новое расследование по следующим основаниям:

Инн виновным себя в заготовке лесоматериала в целях спекуляции не признал и показал, что лесоматериалы он заготовил для строительства своего индивидуального дома; ввиду того, что участок земли, на котором он проживал, отошел под черту города Ингева и только

При этих обстоятельствах прекращение дела в отношении Медведева и Самборской является необусловленным.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение и частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР по делу Медведева и Самборской отменить и дело о них передать на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

спустя значительное время этот участок земли был ему возвращен, он от строительства дома отказался и часть заготовленного материала продал гр-ну Суурману за 2000 руб., не имея от этой продажи никакой выгоды.

Инн пояснил, что за лесоматериал, который он продал гр-ну Суурману за 2000 руб., сам он уплатил 2200 руб. с учетом его заготовительной цены и платы за распиловку, не считая расходов на перевозку этого лесоматериала.

Допрошенные в суде по делу свидетели Суурман, Кулли и Кроду показали, что Инн заготавливал лесоматериал для своего дома, который он хотел построить, при этом свидетель Кроду пояснил, что Инн подготовил фундамент для этого дома.

В подтверждение того, что он намеревался построить себе новый дом, Инн к своей жалобе представил справку Ингеваского сельсовета о том, что он для своего дома заложил фундамент.

Указанные выше обстоятельства, имеющие существенное значение для решения вопроса о виновности, ни

предварительным, ни судебным следствием не проверены.

Из приговора народного суда и определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР усматривается, что ни народный суд, ни Судебная коллегия по уголовным делам не дали оценки показаниям Инна и указанных выше свидетелей в части их объяснений о целях заготовки Инном лесоматериалов и без достаточных оснований пришли к заключению, что Инн заготавливал лесомате-

риалы для перепродажи с целью наживы.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 1-го участка Ингеваского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР в отношении Инна отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

10. НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СПЕКУЛЯЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА, ВИНОВНОГО В ЗАНЯТИИ ВОСПРЕЩЕННЫМ ПРОМЫСЛОМ

Дело Иванова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 13 февраля 1952 г.

[Извлечение]

По приговору народного суда 3-го участка Кировского района г. Иркутска Иванов осужден по ст. ст. 99 и 107 УК РСФСР.

Определением Иркутского областного суда приговор оставлен в силе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в порядке надзора, применила к Иванову ст. 51 УК РСФСР и избранную ему судом меру наказания понизила. Протест Председателя Верховного суда РСФСР в части отмены приговора и прекращения дела в отношении Иванова по ст. 107 УК РСФСР был отклонен.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об изменении приговора и определений в отношении Иванова с исключением из обвинения ст. 107 УК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Народным судом Иванов признан виновным в том, что он скупал кожаные товары, из которых шил у себя дома обувь и перепродавал ее заказчиком и на рынке.

По делу установлено, что Иванов сшил две пары туфель гр-ке Ахметовой, а гр-кам Семеновой и Буровой по одной паре.

При обыске у Иванова на квартире было обнаружено четыре пары заготовок, 40 пар стелек разного размера, 59 дцм кожи и сапожный инструмент.

Приговор народного суда и последующие определения вышестоящих судов в отношении Иванова подлежат изменению по следующим основаниям:

С 1942 по 1947 год Иванов занимался шитьем обуви, имея для этой цели регистрационное удостоверение. С 1947 года Иванов сапожничал без указанного удостоверения.

Кожевенные товары для шитья обуви подсудимый получал у заказчиков и приобретал на рынке у разных лиц. Изготовленную обувь Иванов, как правило, продавал своим заказчикам, что установлено показаниями Шелковниковой, Ахметовой и других свидетелей.

Таким образом, из материалов дела вытекает, что Иванов занимался запрещенным промыслом, и его действия судом правильно квалифицированы по ст. 99 УК РСФСР.

Что же касается обвинения Иванова по ст. 107 УК РСФСР, то в деле нет материалов, изобличающих его в спекуляции, ибо скупка и перепродажа товаров в целях наживы

Ивановым не производилась. Отдельные случаи продажи на рынке обуви, изготовленной Ивановым, относящиеся главным образом к тому периоду, когда Иванов имел регистрационное удостоверение, не дают основания для обвинения его по ст. 107 УК РСФСР.

Данных же о том, что Иванов перепродавал кожаные товары с целью наживы, в деле нет, и такое обвинение ему не предъявлялось. Поэтому приговор в части осуждения Иванова по ст. 107 УК подлежит отмене, а дело прекращению производством.

11. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕКРИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА СУДА К ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НА КОТОРЫХ ОСНОВАНО ОБВИНЕНИЕ

Дело Зобова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 января 1952 г.

По приговору народного суда Страшенского района Молдавской ССР Зобов был осужден по ч. 3 ст. 70 УК УССР.

Верховный суд Молдавской ССР приговор народного суда оставил в силе.

Суд признал Зобова виновным в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, на рассвете, между 4—6 часами 8 ноября, проходя по улице в с. Страшенах, из хулиганских побуждений постучал в дверь конторы артели «Красногвардеец» и, назвавшись работником милиции, потребовал открыть дверь; когда дежурный Думбрава открыл дверь, Зобов произвел в него два выстрела из пистолета неустановленного образца и причинил ему смертельное ранение, от которого Думбрава 14 декабря умер.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что дело подлежит передаче на дознание по следующим основаниям:

В обоснование обвинения Зобова суд сослался на показания свидетеля Сырбу и на показания самого потерпевшего, т. е. Думбравы, однако вывод суда основан на недостаточно критической оценке указанных доказательств.

Свидетель Сырбу показала, что она хорошо знала Зобова, а между тем на месте совершения преступления при оказании помощи Думбраве она никому не заявила о том, что она опознала преступника и что

знает, кто стрелял в Думбраву. Из показаний свидетеля Пую видно, что Сырбу, стоя у калитки конторы, кричала «помогите», говоря, что «кто-то» застрелил человека, причем никого не называла.

Некритически суд оценил и опознание Думбравой убийцы в лице Зобова.

Опознание Зобова производилось в больнице, где находился Думбрава после ранения. Хотя опознание производилось в присутствии врача Брата, однако из материалов дела не видно, выяснял ли суд и органы предварительного следствия у врачей состояние здоровья Думбравы и способность его совершать осмысленные действия. Показания свидетеля врача Брата, данные им в судебном заседании, не дают основания сделать вывод о том, что опознание Думбравой Зобова является полноценным доказательством. Брат показал суду: «Я запомнил точно, что задали вопрос, узнает ли он человека, который стрелял в него. Думбрава говорил по-русски, а потом были неясности и говорил на молдавском языке». Опознание производилось в то время, когда Думбрава находился в бредовом или близком к нему состоянии. Этим можно объяснить неясности в речи Думбравы, переход его при даче объяснений с русского на молдавский язык, хотя он русским языком, по его личному показанию на предварительном следствии, владеет хорошо. При наличии всех этих обстоятельств опознание, произведен-

ное спустя две недели после ранения и незадолго до смерти Думбравы, не может быть доказательством виновности Зобова.

В то же время в деле имеются материалы, подтверждающие алиби Зобова. Из показаний свидетелей Романова, Кройтора, Перевалова и других, данных ими на предварительном следствии и в судебном заседании, видно, что приблизительно до четырех часов утра 8 ноября Зобов находился на вечере в помещении райфинотдела, затем все участники вечера разошлись, в том числе ушел и Зобов.

Свидетель Романов подтвердил, что он лично отвез Зобова на квартиру и что в районе артели «Красногвардеец» они не были, так как им это не по пути.

То обстоятельство, что около пяти часов утра Зобов находился дома и лежал уже в постели, подтвердил и свидетель Перевалов.

Ни органы предварительного следствия, ни суд не установили, из какого оружия произведены выстрелы в Думбраву, хотя к этому и имелись возможности: пуля, извлеченная из раны Думбравы, была передана работнику милиции, однако для исследования дела она не была использована. У Зобова никакого оружия

не обнаружено и не доказано, что он когда-либо имел его.

Наконец, необходимо учесть еще одно очень важное для дела обстоятельство, вскрытое после рассмотрения судом дела.

В апреле 1951 г. гр-ка Зозулина официально в письменном виде заявила в органы расследования о том, что убийство Думбравы совершил некий Чайкин из похищенного в милиции оружия, в чем Чайкин признался ей, Зозулиной, будучи в нетрезвом состоянии. Из материалов дополнительной проверки видно, что из помещения милиции действительно в ночь убийства Думбравы были похищены два нагана и что в этом прямо подозревался Чайкин. Установлено также, что в начале 1951 года Чайкин выбыл из Страшенского района. Эти обстоятельства также серьезно колеблют обоснованность приговора народного суда в отношении Зобова.

На основании всего изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Страшенского района и определение Верховного суда Молдавской ССР в отношении Зобова отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

12. УМЫШЛЕННЫЕ ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ, ПОДЛЕЖАТ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 142 УК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИМ СТАТЬЯМ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НЕЗАВИСИМО ОТ СТЕПЕНИ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПОТЕРИ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

Дело Данилова и Зайцева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 февраля 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка Молоотовского района г. Казани Данилов и Зайцев осуждены по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР.

Верховный суд Татарской АССР приговор отменил и дело возвратил на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Верховный суд РСФСР определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Татар-

ской АССР изменил, дело возвратил на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Протест Генеральным Прокурором СССР внесен на предмет отмены определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Татарской АССР и Верховного суда РСФСР и передачи дела на новое рассмотрение в кассационном порядке.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Данилов и Зайцев признаны виновными в том, что они 19 июля 1951 г. ночью при выходе из центрального парка культуры и отдыха г. Казани напали на гр-на Гоникзблюда и с целью мести за то, что он отобрал у Данилова сорванные в парке цветы, нанесли ему ножевое ранение, причинив этим тяжелое телесное повреждение.

Верховный суд Татарской АССР приговор отменил и дело возвратил на новое судебное разбирательство по мотивам, что потерпевшего необходимо направить во врачебно-травматическую экспертную комиссию для определения степени потери трудоспособности.

Верховный суд РСФСР, рассматривая дело по протесту Председателя Верховного суда РСФСР, определение Верховного суда Татарской АССР изменил и дело направил на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия ввиду того, что потерпевший Гоникзблюд судебно-медицинским экспертом был освидетельствован на пятый день после ранения, вторичному освидетельствованию после выздоровления не подвергался, и поэтому последствия оказались в дальнейшем не установленными. Кроме того, суд признал необходимым дополнительно исследовать причины нанесения ранений.

Определения Судебных коллегий по уголовным делам Верховного су-

да Татарской АССР и Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что нанесенное потерпевшему ножевое ранение по характеру своему относится к тяжким телесным повреждениям, опасным для жизни.

В данном случае для квалификации действий осужденных по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР не имеет решающего значения степень потери трудоспособности потерпевшим, так как по смыслу ст. ст. 142 и 143 УК РСФСР телесные повреждения, представляющие опасность для жизни в момент их нанесения, независимо от дальнейших последствий, подлежат квалификации по ст. 142 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что побои и ранения, нанесенные осужденными, были причинены из мести за то, что потерпевший Гоникзблюд запретил осужденному Данилову рвать цветы в парке и отобрал у него сорванные цветы.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Татарской АССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Данилова и Зайцева отменить, передав это дело на новое рассмотрение в кассационном порядке.

13. СУД, РАССМАТРИВАЮЩИЙ ДЕЛО В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ, НЕ ВПРАВЕ УСТАНАВЛИВАТЬ И СЧИТАТЬ ДОКАЗАННЫМИ ФАКТЫ, НЕ УКАЗАННЫЕ В ПРИГОВОРЕ ИЛИ ОТВЕРГНУТЫЕ ИМ

Дело Толчинского и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 2 февраля 1952 г.

По приговору Ростовского областного суда Толчинский в числе других осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии

по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор суда оставлен в силе.

В протесте Председатель Верховного суда СССР ставит вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР и передаче дела на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным

делам Верховного суда СССР установила:

По приговору Ростовского областного суда Толчинский признан виновным в том, что, работая управляющим аптекой № 28 г. Азова, вошел в преступную связь с осужденным по делу Виленским, Фрейлихером и Брейднером, получил от них в апреле 1949 года медикаментов на сумму 4000 руб., медикаменты не оприходовал, а после реализации деньги присвоил, разделив с указанными лицами.

По обвинительному заключению Толчинскому вменялись в вину два эпизода:

а) участие в хищении 100 кг цинковой мази из аптечного склада «ЦАС» совместно с Виленским, Бугрименко и Гордоном;

б) участие в хищении медикаментов на сумму 4000 руб. совместно с Виленским, Фрейлихером и Брейднером.

Как видно из приговора суда, первый эпизод обвинения Толчинского был отвергнут, что подтверждается следующей формулировкой приговора:

«Судебная коллегия считает, что предъявленное обвинение Бугрименко, Толчинскому и Гордону в хищении в 1948 году 100 кг цинковой мази не отвечает действительности, в силу чего этот пункт в отношении указанных лиц несостоятелен».

По второму эпизоду обвинения Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда пришла к выводу, что вина Толчинского подтверждается показаниями сообвиняемого Виленского, обнаруженной у Брейднера доверенностью, которая написана рвкой Толчинского, и показаниями свидетеля Трут.

Свидетель Трут не отрицала получения из кладовой Брейднера 13 мест медикаментов разной фасовки без оформления документами и без оприходования их аптекой № 28, где работал Толчинский.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, отвергая доводы кассационной жалобы Толчинского, в определении указала, что «виновность Толчинского в хищении 100 кг цинковой мази подтверждается показаниями осужденных в суде Виленского и Бугрименко, не верить показаниям коих у суда не было оснований».

Данное утверждение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР является неправильным, так как нарушает основные принципы ст. 320 УПК РСФСР и постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке». Суд, рассматривающий дело в кассационном порядке, не вправе устанавливать и считать доказанными факты, не указанные в приговоре или отвергнутые судом первой инстанции.

Находя, что определение Верховного суда РСФСР в отношении Толчинского не может быть оставлено в силе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Толчинского отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в ту же коллегия в ином составе судей со стадии кассационного разбирательства, с соблюдением ст. 409 УПК РСФСР.

14. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Дело Шавлакадзе. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 2 января 1951 г.

По приговору народного суда Маяковского района Грузинской ССР Шавлакадзе был осужден по ч. 1 ст. 58^{1в} УК Грузинской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Шавлакадзе признан виновным в том, что он, будучи водителем грузовой автомашины, нарушил трудовую дисциплину на транспорте, в результате чего один пассажир, стоявший на подножке, был убит ударом о столб.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Как это усматривается из протокола судебного заседания, рассмотрение дела по обвинению Шавлакадзе суд начал 15 декабря, затем заседание продолжалось 16 декабря, а приговор был вынесен 19 декабря.

Из приобщенных к жалобе заверенных копий решений и приговора видно, что народный суд во время

перерыва 18 декабря в том же составе рассмотрел другие дела, а именно: по обвинению Маглакелидзе по ст. 87 УК, дело по иску Закавказской ж. д. к Звиаддзе и дело по иску Гоксадзе к Парчхидзе. Таким образом, судом при рассмотрении дела Шавлакадзе было грубо нарушено требование ст. 258 УПК Грузинской ССР, т. е. принцип непрерывности судебного разбирательства.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Маяковского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Шавлакадзе отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение.

15. НЕПРАВИЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО ДВУХ СОВЕРШЕННО РАЗНОРОДНЫХ ДЕЛ

Дело Шамхалова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 января 1950 г.

Определением подготовительного заседания Верховного суда Таджикской ССР дело по обвинению Шамхалова по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» возвращено на доследование.

Протест Генерального Прокурора СССР внесен на предмет отмены определения Верховного суда Таджикской ССР и передачи дела на новое рассмотрение со стадии передачи суду.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Шамхалов привлечен к уголовной ответственности за то, что, работая заведующим магазином Чертопинского сельпо Сталинабадского райпотребсоюза, систематически расхищал кооперативные средства, а для сокрытия хищений составлял фиктивные документы. Таким образом,

Шамхалов за время с 1 мая по 20 июля 1950 г. похитил товаров на сумму 9598 руб.

Верховный суд Таджикской ССР признал, что предварительное следствие по делу Шамхалова проведено неполно: не выяснен порядок составления отчетности по магазину, не уточнено, какие из документов, представленных Шамхаловым ревизорам, являются подложными и почему все документы, которые Шамхалов представил, не приняты во внимание при ревизии.

Кроме того, Верховный суд Таджикской ССР признал, что по делу нарушена ст. 22 УПК Таджикской ССР. Это якобы выразилось в том, что органами предварительного следствия дело по обвинению Шамхалова по ст. ст. 17 и 168 УК Таджикской ССР¹ и ч. 2 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении

¹ Статьи 17 и 168 УК Таджикской ССР соответствуют статьям 19 и 136 УК РСФСР.

охраны личной собственности граждан» выделено в отдельное производство.

Определение Верховного суда Таджикской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Согласно ст. 67 УПК Таджикской ССР участие прокурора в подготовительном заседании обязательно, однако дело Шамхалова рассмотрено в подготовительном заседании без участия прокурора.

Выводы Верховного суда Таджикской ССР о том, что дело Шамхалова по обвинению его в расхищении товаров на сумму 9598 руб. является недоследованным, нельзя признать обоснованными.

Как видно из материалов дела, в присутствии обвиняемого Шамхалова дважды производилась выверка документов и бухгалтерская ревизия, с выводами этих проверок Шамхалов был согласен.

В процессе предварительного следствия Шамхалов представил документы, подписанные Умаровым, Каюмовым и Разаевым, но графической экспертизой было установлено, что подписи на указанных документах выполнены не этими лицами, в связи с чем эти документы не были приняты ревизией.

Не обоснована ссылка Верховного суда Таджикской ССР на нарушение при расследовании дела ст. 22 УПК Таджикской ССР, кото-

рое якобы выразилось в том, что обвинение Шамхалова в хищении общественного имущества, в краже личного имущества граждан и покушении на убийство не объединены в одно дело, хотя оба дела расследовались прокуратурой одновременно.

В соответствии со ст. 22 УПК Таджикской ССР могут быть объединены в одно следственное производство дела по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений или же в случае совершения одним лицом нескольких преступлений.

Однако обязательность объединения дел в одно производство только по той причине, что по двум делам привлекается одно и то же лицо, не вытекает из текста ст. 22 УПК Таджикской ССР. Более того, именно против такого механического объединения дел в одно производство направлено постановление Пленума Верховного суда СССР от 20 апреля 1951 г. по вопросу применения ст. 117 УПК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Таджикской ССР по делу Шамхалова отменить, передать дело на новое рассмотрение в тот же суд со стадии предания суду.

16. НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПОВЛЕКЛО ПЕРЕДАЧУ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Дело Галактионова и других. Определение Водно-транспортной коллегии от 9 февраля 1952 г.

Определением подготовительного заседания линейного суда Московско-Окского бассейна дело по обвинению Галактионова по ч. 1 ст. 78, ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Дорохина по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 того же Указа от

4 июня 1947 г. и других линейным судом возвращено на доследование.

Рассмотрев дело по протесту Генерального Прокурора СССР, ставившего вопрос об отмене определения и направлении дела на новое рассмотрение в подготовительном заседании линейного суда, Водно-транспортная коллегия установила:

Галактионов Михаил, работая начальником радиосети линейно-техни-

ческого узла связи Московско-Окского речного пароходства, привлечен следственными органами к уголовной ответственности за то, что он, будучи в командировках в 1947—1948 годах, злоупотреблял своим служебным положением: за счет удлинения срока командировок заключал трудовые соглашения на монтаж и установку радиостанций в Серпуховском техучастке и телефонизацию затона пристани Серпухов. Кроме того, с июля 1947 года по сентябрь 1948 года Галактионов присвоил 88 787 р. 72 к., а всего причинил ущерб в сумме 96 119 р. 73 к.

Дорохин, будучи в преступной связи с Галактионовым, подписал ряд документов и способствовал Галактионову в присвоении 10 767 р. 52 к.

Евстифеев и другие признаны виновными в содействии Галактионову в совершении им преступления.

Линейный суд Московско-Окского бассейна 24 декабря 1951 г. дело возвратил прокурору на исследование по следующим основаниям:

1) Из данных дела видно, что начальник узла связи Демидов создал условия для злоупотребления и расхищения государственных средств своими подчиненными и сам был корыстно заинтересован в ряде преступных операций Галактионова. Однако следственные органы без всяких оснований выделили в отдельное производство материалы на Демидова, чем нарушена ст. 117 УПК РСФСР.

2) Произведенная криминалистическая экспертиза не отвечает требованиям закона, так как неизвестно, от какого научного учреждения исходила и каким научно-техническим способом она производилась. Поэтому суд предложил провести новую экспертизу.

3) Судебно-бухгалтерская экспертиза основана на предположениях и умозаключениях эксперта.

4) Не допрошен в качестве свидетеля Николин, показания которого имеют существенное значение.

Протест Генеральным Прокурором

СССР принесен на предмет отмены определения линейного суда и возвращения дела в суд для рассмотрения в подготовительном заседании.

В протесте указано, что следственные органы тщательно проверяли, насколько причастен Демидов к совершению преступлений другими обвиняемыми по делу, но не нашли достаточных доказательств для привлечения его к уголовной ответственности, а вопрос о хищении спирта требовал специальной проверки, но этот эпизод никакого отношения к преступлениям лиц, обвиняемых по делу, не имеет, и поэтому нарушения ст. 117 УПК РСФСР не усматривается.

Графическая экспертиза проведена в соответствии с требованием ст. 63 УПК РСФСР и нет необходимости проводить повторную экспертизу.

Бухгалтерская экспертиза, по утверждению протеста, проведена правильно, и ее заключение основано на документах, а не на предположениях, что видно из самого текста заключения.

Надобность допроса свидетеля Николина в процессе следствия отпала, так как вопросы, которые надо было у Николина выяснить, были поставлены Кузьмину, который непосредственно занимался вопросом радиофикации флота и утверждал сметы на производимые работы.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР, проверив доводы, изложенные в определении линейного суда и в протесте, нашла, что линейный суд привел в определении неосновательные мотивы для передачи дела на исследование.

О проведении повторной графической экспертизы поставлен вопрос явно ошибочно, так как из следственных документов видно, что графическая экспертиза проведена по поручению следователя экспертом-криминалистом криминалистической лаборатории Московского юридического института Новиковым Я. А., обладающим надлежащим образова-

нием и практическим опытом работы.

При разрешении поставленных вопросов экспертом применялся способ микроскопического исследования мест пересечения оттиска печати, а с целью восстановления текста в оттиске печати было проведено исследование с применением метода цветоотделительного процесса, а также применялся сравнительный метод. Следовательно, утверждение суда, что эта экспертиза не отвечает требованиям закона, ошибочно.

Выводы линейного суда, что бухгалтерская экспертиза основана на предположении и умозаключении, противоречат фактическим обстоятельствам дела. Из текста заключения и приобщенных документов видно, что бухгалтер-эксперт строил свои выводы на проверенных документальных данных, а не на умозаключении.

Для допроса в качестве свидетеля Николина возвращать дело к доследованию оснований не было тем более, что возникшие вопросы были полностью освещены свидетелем Кузьминым. Если же на суде все же выявилась бы необходимость допроса Николина, то суд имел возможность это сделать без возвращения дела к доследованию.

Суд утверждает, что в материалах дела имеются достаточные основания для привлечения к уголовной ответственности Демидова, и поэтому предлагает следственным органам привлечь Демидова к уголовной ответственности. Подобное утверждение суда не обоснованно.

Из материалов дела видно, что злоупотребления и расхищение государственных средств имели место не при составлении проектно-сметных работ, а при выполнении монтажных работ по трудовым соглашениям и нарядам теми лицами, которые непосредственно выполняли работы на месте. Это существенное обстоятельство судом не учтено при вынесении определения. Передача же Демидовым работ эксплуатационному участку по установке и

монтажу раций на пристанях и на пароходах сама по себе не содержит нарушений закона. Узел связи, имея ассигнования для производства работ, не имел плана по труду, и освоение средств и выполнение работ производилось подрядным способом.

Посылка в командировку Галактионова и Дорохина также не дает оснований для привлечения к уголовной ответственности Демидова тем более, что противоречивые показания Галактионова о том, что он якобы делился деньгами с Демидовым, не нашли подтверждения в материалах дела, а вся документация на работы по радиофикации и получение денег была подписана и завизирована не Демидовым, а Ануровым.

Вместе с тем по настоящему делу имеются существенные нарушения закона, допущенные следственными органами, но не отмеченные в определении.

Так, проводивший техническую экспертизу эксперт Романов и бухгалтерскую экспертизу эксперт Малютин при выполнении следственными органами ст. 206 УПК РСФСР выполняли функции следователя, оба по очереди знакомили обвиняемого Галактионова с материалами дела в течение 28, 29 и 30 ноября 1951 г., и они же подписали совместно со следователем протокол.

Коллегия считает, что подобное выполнение следственных действий экспертами противоречит требованиям закона.

В соответствии с требованиями ст. ст. 63 и 64 УПК РСФСР эксперты вызываются для дачи заключений, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле, а не для выполнения функций следователя. В ст. 206 УПК РСФСР специально указано, что производящий расследование обязан объявить об окончании следствия подследственному, разъяснить ему право на осмотр всего производства по делу, предо-

ставить возможность такого осмотра и спросить, чем желает он дополнить расследование. Галактионов, как записано в этом же протоколе, просил детальнее ознакомить его с материалами дела, хотя бы в присутствии секретаря прокуратуры, а не эксперта, но в этом ходатайстве обвиняемому Галактионову безмотивно было отказано.

На основании изложенного Коллегия находит необходимым и обязательным выполнить следственные действия, предусмотренные ст. 206 УПК РСФСР, вновь предоставив возможность обвиняемым более детально ознакомиться с материалами дела.

В постановлении следователя о проведении бухгалтерской экспертизы и в заключении этой экспертизы не указано, кем именно и где работает Малютин, а эти данные необходимо иметь для проверки, имел ли он право проводить экспертизу и не является ли работником этой же системы или этого же учреждения, где работали обвиняемые. Также надлежит выяснить, имеет ли он познания, которые необходимы бухгалтеру-эксперту, какое Малютин имеет образование и практический опыт работы.

Из постановления следователя видно, что Дорохин привлечен в качестве обвиняемого 15 ноября

1951 г. Между тем Дорохин ознакомлен с постановлениями о назначении эксперта 14 ноября 1951 г., т. е. тогда, когда Дорохин не был привлечен к уголовной ответственности и допрашивался в качестве свидетеля. Следовательно, Дорохин, как свидетель, не обладал правами, которые предоставлены обвиняемым (ст. ст. 169—171, 174 УПК РСФСР). Подобное нарушение является весьма существенным, так как оно ограничивает права обвиняемого на защиту. Поэтому требуется указанные следственные действия провести в соответствии с требованием закона. Следственными органами аналогичное нарушение допущено и в отношении Косарева.

Таким образом, протест правильно ставит вопрос лишь в части оценки мотивов возвращения дела на доследование, указанных в определении суда. В силу изложенного дело не может быть направлено для рассмотрения в линейный суд.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь ст. ст. 414, 416 и 436 УПК РСФСР, определила:

Признать мотивы, изложенные линейным судом в определении о направлении дела на доследование, неправильными. Дело вернуть на доследование по мотивам, изложенным в настоящем определении.

17. ИСКЛЮЧАЯ ОБВИНЕНИЕ ПО ОДНОМУ ИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В СОВОКУПНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЗА КОТОРЫЕ ОСУЖДЕН ПОДСУДИМЫЙ, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД НЕ ВПРАВЕ НАЗНАЧИТЬ НАКАЗАНИЕ ВЫШЕ ВЫСШЕГО РАЗМЕРА, НАЗНАЧЕННОГО СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ОСТАЛЬНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Дело Богданова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 30 января 1952 г.

[Извлечение]

По приговору народного суда Солотчинского района, Рязанской области, Богданов в числе других был осужден по ст. 109 УК РСФСР на пять лет лишения свободы без поражения в правах, по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение

государственного и общественного имущества» на 12 лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах и по ст. 3 вышеупомянутого Указа от 4 июня 1947 г. на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах, а по совокупности преступлений на 12 лет за-

ключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах и без конфискации имущества.

Судебная коллегия по уголовным делам Рязанского областного суда приговор суда оставила в силе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Прокурора РСФСР исключила из приговора обвинение Богданова по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. и, квалифицируя его действия по ст. 109 УК и ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г., назначила ему наказание по ст. 109 УК в три года лишения свободы по ст. 3 вышеупомянутого Указа от 4 июня 1947 г. в шесть лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах, а по совокупности шесть лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах.

Судебная коллегия Верховного

суда РСФСР с нарушением ст. 419 УПК РСФСР неправильно определила наказание Богданову по ст. 3 вышеупомянутого Указа, назначив наказание по этой статье в шесть лет заключения в исправительно-трудовой лагерь, тогда как народным судом Богданов по этой статье был осужден на пять лет заключения.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам, соглашаясь с протестом, определила:

По ст. 109 УК определить Богданову наказание в три года лишения свободы без поражения в правах; по ст. 3 вышеупомянутого Указа от 4 июня 1947 г. приговор суда и определение областного суда оставить без изменения и по совокупности преступлений считать Богданова осужденным на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах.

18. НЕПРАВИЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ

Дело Ринкса. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 января 1952 г.

По приговору народного суда 2-го участка Кировского района г. Риги Ринкс был осужден по ст. 111 УК РСФСР к трем годам лишения свободы с присоединением наказания по ранее вынесенному приговору в семь лет лишения свободы, а по совокупности преступлений окончательная мера наказания назначена десять лет лишения свободы.

Определением Верховного суда Латвийской ССР приговор оставлен в силе.

Ринкс по ст. 111 УК РСФСР осужден за то, что он, работая директором Центрального книжного антиквариата Латвийской конторы книготорга, халатно выполнял свои обязанности, в результате чего при ревизии в Центральном антиквариате была выявлена недостача на сумму 61 648 руб.

Рассмотрев Протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла виновность Ринкса материа-

лами дела доказанной, однако судом при вынесении приговора допущено нарушение ст. 49 УК РСФСР и ст. 465 УПК РСФСР.

Из дела видно, что Ринкс оба преступления, входящие в совокупность, совершил до вынесения первого приговора, и поэтому на основании ст. 49 УК РСФСР и ст. 465 УПК РСФСР мера наказания по ст. 111 УК РСФСР должна быть поглощена мерой наказания, назначенной ему по ранее вынесенному приговору.

На основании изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Наказание, назначенное Ринксу по ст. 111 УК РСФСР в три года лишения свободы, поглотить наказанием по ранее вынесенному приговору, определив ему по совокупности семь лет лишения свободы, исчисляя этот срок с момента заключения под стражу по первому делу.

19. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ К РАСХИТИТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА СТ. 51 РСФСР

Дело Кулуева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 января 1952 г.

По приговору народного суда 2-го участка Баймакского района Башкирской АССР от 14 июня 1948 г. Кулуев осужден по ст. 109 УК на два года лишения свободы, по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, а по совокупности преступлений на пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Башкирской АССР 17 июля 1948 г. обвинение Кулуева по ст. 109 УК из приговора исключила, в остальной части приговор оставила в силе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Прокурора РСФСР 16 августа 1951 г. снизила Кулуеву наказание до двух лет и шести месяцев лишения свободы.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены определения Верховного суда РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Кулуев признан виновным в том, что, работая старшим бухгалтером артели имени Салавата, в феврале 1947 года, получив подотчет 2500 руб. кооперативных средств, отчитался лишь в 780 руб., а в октябре 1947 года в целях погашения своей задолженности составил фиктивную ведомость на выдачу зарплаты выбывшим членам артели, расписался в получении денег и списал эту сумму по кассе в счет своей задолженности.

Верховный суд РСФСР снизил Кулуеву наказание по тем мотивам, что Кулуев возместил артели ущерб, что преступление им совершено впервые и что Кулуев два года и шесть месяцев содержится под стражей.

Указанное определение Верховного суда РСФСР нельзя признать обоснованным. Возмещение Кулуевым причиненного ущерба не является основанием в данном случае для применения ст. 51 УК РСФСР, так как составление фиктивного документа и подделка подписи выбывших членов артели в целях сокрытия присвоенных Кулуевым 1700 руб. являются обстоятельствами, усугубляющими вину Кулуева, поэтому следует признать, что мера наказания Кулуеву народным судом по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. назначена с учетом опасности совершенного им преступления.

Кроме того, следует отметить, что из сообщения начальника отдела Министерства внутренних дел Башкирской АССР от 4 сентября 1950 г. видно, что Кулуев по данному делу заключен под стражу 20 мая 1950 г. и ко времени вынесения определения Верховным судом РСФСР отбыл в заключении лишь один год и три месяца. Таким образом, ссылка Верховного суда РСФСР в определении о снижении Кулуеву наказания, что он уже отбыл в заключении два года и шесть месяцев, находится в противоречии с данными дела.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 16 августа 1950 г. по делу Кулуева отменить, а приговор народного суда 2-го участка Бай-

макского района от 14 июня 1948 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда

Башкирской АССР от 17 июля 1948 г. в отношении Кулуева оставить без изменений.

20. НЕЗАКОННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННОГО ОТ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА

Дело Кузьмина. Определение Водно-транспортной коллегии от 5 сентября 1951 г.

По приговору линейного суда Ленского бассейна Кузьмин осужден по ст. 109, по ч. 1 ст. 120 УК РСФСР со взысканием с Кузьмина 11 640 руб. в доход государства.

Во исполнение приговора с Кузьмина по исполнительному листу было взыскано 350 руб. Определением, вынесенным в порядке ст. 461 УПК РСФСР, линейный суд Ленского бассейна освободил Кузьмина от уплаты 11 290 руб., мотивируя это тем, что имущество, на которое может быть обращено взыскание в погашение ущерба, у Кузьмина отсутствует.

В протесте Председатель Верховного суда СССР ставит вопрос об отмене определения линейного суда Ленского бассейна об освобождении Кузьмина от возмещения ущерба.

Определение линейного суда Ленского бассейна об освобождении Кузьмина от возмещения материального ущерба, причиненного государству его преступными действиями, подлежит отмене, как вынесенное с нарушением ст. 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и ст. 461 УПК РСФСР.

В порядке ст. 461 УПК РСФСР

суд вправе разрешать вопросы об отсрочке и рассрочке уплаты штрафа, о замене штрафа принудительной работой, а также всякого рода сомнения и споры, возникающие при приведении приговора в исполнение. Таким образом, ст. 461 УПК касается только порядка исполнения приговора. Освобождение от взыскания присужденных сумм в доход государства или в возмещение ущерба гражданскому истцу является изменением приговора по существу и потому не может быть предметом рассмотрения в порядке ст. 461 УПК.

Приговоры и определения, вступившие в законную силу, могут быть изменены лишь в порядке надзора верховными судами союзных республик или Верховным судом СССР и не иначе как по протесту должностных лиц, перечисленных в ст. 16 Закона о судостроительстве. В данном случае приговор мог быть изменен лишь Водно-транспортной коллегией Верховного суда СССР.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Определение линейного суда Ленского бассейна в отношении Кузьмина отменить.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРЕДЕЛАХ ПОЛНОГО РАЗМЕРА ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА МОЖЕТ БЫТЬ ВОЗЛОЖЕНА НА РАБОТНИКА ЛИШЬ ПРИ НАЛИЧИИ УСЛОВИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 83¹ КЗоТ РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ КЗоТ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Определение по делу № 361705 по иску Учебно-опытного хозяйства к Эпп о взыскании 4999 р. 40 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 августа 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Первомайского района г. Фрунзе от 16 февраля 1950 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Киргизской ССР от 27 октября 1950 г. по иску учебно-опытного хозяйства Сельскохозяйственного института к Эпп о взыскании 4999 р. 40 к.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Эпп работала в должности охранника в учебно-опытном хозяйстве Сельскохозяйственного института. В ночь с 8 на 9 мая 1949 г., когда Эпп временно оставила дежурство, была совершена кража на пасеке, чем учебно-опытному хозяйству был причинен ущерб в размере 4999 р. 40 к. Конкретные виновники кражи обнаружены не были.

Учебно-опытное хозяйство предъявило иск к Эпп в суде о взыскании причиненного ущерба в сумме 4999 р. 40 к.

Решением от 16 февраля 1950 г. народный суд 2-го участка Первомайского района г. Фрунзе иск удов-

летворил и взыскал с Эпп в пользу учебно-опытного хозяйства 4999 р. 40 к. и госпошлину в размере 100 руб.

По протесту Прокурора Киргизской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Киргизской ССР определением от 27 октября 1950 г. решение народного суда изменила, снизив сумму взыскания до 3199 руб., и исключила из решения взыскание с Эпп 1800 руб. упущенной выгоды, не подлежащей взысканию согласно ст. 83 КЗоТ.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда 2-го участка Первомайского района г. Фрунзе от 16 февраля 1950 г. и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Киргизской ССР подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

При рассмотрении дела суд не установил, какую материальную ответственность должна нести Эпп при возмещении ущерба, причиненного учреждению.

В силу ст. 83 КЗоТ рабочие и служащие несут имущественную ответственность перед учреждением за причиненный ему при исполнении

служебных обязанностей ущерб в размере действительного ущерба, но не свыше одной трети своей тарифной ставки.

Если в деле имелись данные, что Эпп должна нести полную материальную ответственность за причиненный ущерб по ст. 83¹ КЗоТ, а не по ст. 83 КЗоТ, как это указано в решении, то суду в этом случае необходимо было проверить, имеется ли у истца с ответчицей письменный договор о полной материальной ответственности, истребовать этот договор и только тогда разрешить вопрос об ответственности Эпп за причиненный ущерб учебно-опытному хозяйству.

Кроме того, суд не проверил, была ли Эпп привлечена к уголовной ответственности, а между тем это

имеет существенное значение для дела.

Без выяснения указанных выше обстоятельств у народного суда и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Киргизской ССР не было оснований возлагать на Эпп полную материальную ответственность.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда определила:

Решение народного суда 2-го участка Первомайского района г. Фрунзе от 16 февраля 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Киргизской ССР от 27 октября 1950 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд с участием прокурора.

2. РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ИМИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, НЕСУТ МАТЕРИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О ТРУДЕ

Определение по делу № 36/931 по иску отделения Госбанка к Генкину о возмещении ущерба

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Темирского района, определение Актюбинского областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР по иску Темирского отделения Госбанка к Генкину о возмещении ущерба, нанесенного гибелью лошади.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Генкин работал управляющим Темирского отделения Госбанка. При возвращении Генкина из района лошадь, предоставленная ему для поездки, утонула в реке во время водопоя.

Считая виновным в гибели лошади Генкина, Темирское отделение Госбанка предъявило в народном суде иск о взыскании с него трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам.

Народный суд 1-го участка Темирского района иск удовлетворил, взыскав с Генкина трехкратную стоимость лошади в пользу отделения Госбанка.

Судебная коллегия по гражданским делам Актюбинского областного суда решение народного суда отменила и дело производством прекратила, признав, что лошадь погибла в результате несчастного случая и вины ответчика в гибели лошади не усматривается.

Впоследствии по протесту Председателя Верховного суда Казахской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР отменила определение Актюбинского областного суда и оставила в силе решение народного суда 1-го участка Темирского района.

Судебная коллегия Верховного суда Казахской ССР мотивировала определение тем, что ответчик про-

явил небрежность в обращении с лошадью, что по его вине лошадь утонула и поэтому народный суд правильно возложил материальную ответственность за гибель лошади на Генкина, взыскав с него стоимость лошади по заготовительной цене в трехкратном размере согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах»¹.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда 1-го участка Темирского района, определения Актюбинского областного суда и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

При рассмотрении дела народный суд не исследовал всех обстоятельств, в частности не установил, в чем конкретно заключалась вина ответчика Генкина и мог ли он предотвратить гибель лошади.

Кроме того, удовлетворяя иск, суд неправильно взыскал трехкратную стоимость лошади по заготовительным ценам, так как согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. в таком размере ущерб возмещается только при гибели лошадей, принадлежащих колхозам и совхозам, а в данном случае лошадь принадлежала государ-

ственному учреждению — Темирскому отделению Госбанка.

Ответчик Генкин являлся управляющим Темирским отделением Госбанка, и суду необходимо было установить, для какой цели он ездил на лошади, принадлежавшей банку.

Если Генкин выезжал по делам, связанным с работой, и таким образом ущерб нанесен им при исполнении служебных обязанностей, то при установлении его вины в гибели лошади вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешен на основании трудового законодательства в соответствии со ст. ст. 83—83^б КЗоТ. Если же ущерб нанесен Генкиным не при исполнении служебных обязанностей, то вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешен в соответствии со ст. ст. 403 и 410 ГК РСФСР.

При вторичном рассмотрении дела суду необходимо проверить вышеуказанные обстоятельства и, в зависимости от добытых данных, разрешить спор сторон.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: Решение народного суда 1-го участка Темирского района, определение Актюбинского областного суда и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР отменить и дело для рассмотрения направить в тот же народный суд с участием прокурора.

3. ВЗЫСКАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ШТРАФОВ, НАЛОЖЕННЫХ НА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НЕСВОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УПОЛМИНЗАГУ ОТЧЕТНОСТИ О ПРИЕМКЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ ОТ СДАТЧИКОВ, ПРОИЗВОДИТСЯ ТОЛЬКО ПО СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ

Определение по делу № 36/1093 по заявлению уполномоченного о взыскании с Гримберга 300 руб. штрафа за непредставление отчетности

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на опреде-

ление Верховного суда БССР, вынесенное по заявлению уполномоченного по Любаньскому району, Бобруйской области, о взыскании с директора Любаньской райзаготконторы Гримберга штрафа за непредставление в установленные сроки отчетности

¹ «Известия», 13 мая 1943 г.

о приемке сельхозпродуктов от сдачиков госпоставок.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Уполминзаг по Любаньскому району, Бобруйской области, обратился в суд с заявлением о взыскании с директора Любаньской райзаготконторы Гримберга 300 руб. штрафа, наложенного на него по приказу облуполминзага за непредставление в установленные сроки отчетности о приемке сельхозпродуктов от сдачиков госпоставок.

Народный суд Любаньского района отказал уполминзагу во взыскании с Гримберга штрафа за пропуском срока давности.

Бобруйский областной суд решение народного суда оставил в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда БССР отменила решение народного суда и определение областного суда и дело производством прекратила, сославшись на то, что дело неподведомственно судебным органам.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда БССР и оставлении в силе решения народного суда и определения областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Определение Верховного суда БССР о прекращении дела производством мотивировано тем, что взыскание штрафов, наложенных в соответствии с Положением «Об уполномоченных Наркомата заготовок по районам», утвержденным постановлением СНК СССР от 4 июня 1943 г.¹, производится в порядке, предусмотренном Инструкцией НКФ СССР от 17 мая 1944 г. № 264 «О порядке взыскания невнесенных в срок налогов и неналоговых платежей»², т. е. тем органом, на который возложено начисление данного платежа (в данном случае уполминзагом по Любаньскому району), и что такие штрафы взыскиваются из заработной платы оштрафован-

ных в беспорядном порядке, без обращения в суд.

Мотивы, приведенные в определении Верховного суда БССР, являются неправильными.

Взыскание штрафа в беспорядном порядке из заработной платы оштрафованных производится только в случаях, специально указанных в постановлениях Правительства СССР.

Между тем в Положении «Об уполномоченных Наркомата заготовок по районам» от 4 июня 1943 г. нет указаний о том, что штраф, наложенный на основании п. «г» ст. 8 указанного выше Положения, подлежит взысканию в беспорядном порядке.

Следовательно, такие штрафы подлежат взысканию в судебном порядке на основании постановлений ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан»¹ и раздела 5 Инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. «О порядке рассмотрения судами дел о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам, налогам, обязательному окладному страхованию, самообложению и невнесенных в срок штрафов».

Указания Верховного суда БССР о том, что взыскание штрафов, наложенных в соответствии с положением «Об уполномоченных Наркомата заготовок по районам», производится на основании действовавшей в то время Инструкции НКФ СССР от 17 мая 1944 г. № 264 «О порядке взыскания невнесенных в срок налогов и неналоговых платежей» в административном, а не в судебном порядке, являются необоснованными, так как эта Инструкция к данному делу отношения не имеет.

¹ СП СССР 1943 г. № 8, ст. 141.

² «СФХ» 1944 г. №№ 7—8, 9, 10—11.

¹ ЦЗ СССР 1937 г. № 30, ст. 120.

Таким образом, народным судом правильно принято это дело к своему производству, и поскольку уполномоченный обратился в суд с заявлением о взыскании штрафа с пропуском срока, установленного для взыскания штрафа, судом правильно также отказано в удовлетворении его требований.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда БССР и оставить в силе решение народного суда Любаньского района и определение Бобрвйского областного суда, вынесенные по делу.

4. РЕШЕНИЕ СУДА ОТМЕНЕНО, ТАК КАК НЕ ВЫЯСНЕНА ОБСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДЕЛУ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ НАРУШЕНИЯ ДОГОВОРА ПО ИНКАССАЦИИ ДЕНЕЖНОЙ ВЫРУЧКИ

*Определение по делу № 36/1073 по иску универмага
к отделению Госбанка о взыскании 20 000 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 12 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Бухарского областного суда от 30 января 1951 г. и на определение Верховного суда Узбекской ССР от 27 февраля 1951 г. по иску Бухарского универмага к Гиждуванскому отделению Госбанка о взыскании 20 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В августе 1950 года Бухарский универмаг предъявил в суде иск к Гиждуванскому отделению Госбанка о взыскании 20 000 руб. В исковом заявлении истец указал на то, что в результате ненадлежащего контроля со стороны отделения Госбанка за действиями своего инкассатора Аюнова указанная выше сумма, будучи принятой инкассатором от заведующего магазином Низамова, на расчетный счет универмага не поступила.

Бухарский областной суд 30 января 1951 г. решил иск удовлетворить.

Верховный суд Узбекской ССР 27 февраля 1951 г. решение областного суда оставил в силе.

Обсудив протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия считает, что решение и определение, состоявшиеся по делу, подлежат отмене по следующим основаниям:

Возлагая материальную ответственность на Гиждуванское отделение Госбанка за непоступившие на расчетный счет универмага 20 000 руб., областной суд сослался в решении на то, что Гиждуванское отделение Госбанка нарушило договор по инкассации наличных денег, поскольку инкассаторы Госбанка принимали деньги от магазина не в опломбированных инкассационных сумках, а по полистным подсчетам.

Эти же мотивы указаны и в определении Верховного суда Узбекской ССР.

Между тем следует признать, что суд с ненадлежащей полнотой исследовал вопрос об ответственности сторон, вытекающей из договора по инкассации денежной выручки.

Из материалов дела видно, что между Бухарским универмагом и Гиждуванским отделением Госбанка 20 июля 1947 г. был заключен договор по инкассации денежной выручки. Этим договором предусматривалось, что для сбора выручки Госбанк закрепляет за универмагом две сумки. Сдатчик денежной выручки обязан подготовить к сдаче денежную сумку, заполнить препроводительную ведомость, один экземпляр ведомости вложить в сумку, которую вместе с накладной сдать инкассатору по предъявлении им заверенной гербовой печатью Госбанка явочной карточки, доверенно-

сти и служебного удостоверения личности с фотокарточкой. Оправдательным документом в сдаче денежной сумки Госбанку для сдатчика денег служит оставшаяся у него на руках копия препроводительной ведомости с распиской инкассатора и штампом Госбанка в принятии опломбированной сумки.

Однако этот договор Бухарским универмагом нарушался, так как выручка денег сдавалась заведующим магазином не в инкассаторских сумках, а, как указано выше, по листному подсчету. Таким путем заведующий магазином Низамов за три дня сдал, согласно оправдательным документам, инкассатору Аюнову 20 000 руб. Поскольку, согласно договору по инкассации, оправдательным документом в сдаче денежной сумки Госбанку для сдатчика служит остающаяся у него на руках копия препроводительной ведомости с распиской на ней инкассатора и штампом Госбанка о принятии опломбированной сумки, а такого документа у истца нет, суду следовало обсудить вопрос, насколько обоснован иск, заявленный универмагом.

При новом рассмотрении дела суд должен обратить внимание на тот факт, что сдатчик денег не требовал от инкассатора явочной карточки,

дающей право инкассатору на получение от универмага денежной выручки, тогда как выполнение этого требования является обязательным и об этом имеются указания как в договоре по инкассации денежной выручки, так и в препроводительной ведомости.

В жалобе, поданной в Верховный суд СССР в порядке надзора, Узбекская республиканская контора Госбанка указала, что заведующий универмагом Низамов по имеющимся у конторы Госбанка сведениям получил от инкассатора Аюнова три безвалютных квитанции на спорную сумму в целях покрытия растраты денег и по этому поводу в отношении названных лиц материал передан следственным органам.

Все эти обстоятельства суду необходимо проверить при новом рассмотрении дела.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Решение Бухарского областного суда от 30 января 1951 г. и определение Верховного суда Узбекской ССР от 27 февраля 1951 г. отменить.

Дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд Узбекской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

5. ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЛАСТНЫМ СУДОМ ДЕЛА О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА ЗА НЕЯВКОЙ ИСТЦА В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ НЕ ЛИШАЕТ ЕГО ПРАВА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА ВНОВЬ, ОДНАКО НОВЫЙ ИСК О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА МОЖЕТ БЫТЬ ЗАЯВЛЕН ТОЛЬКО НА ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ, НАЧИНАЯ СО СТАДИИ ПРИМИРЕНИЯ В НАРОДНОМ СУДЕ

Определение по делу № 36/1183 по иску Молчанова к Молчановой о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 5 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 28 августа 1951 г. по иску Молчанова Е. С. к Молчановой В. Я. о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Молчанов в 1948 году обратился в суд с иском о расторжении брака с Молчановой. После окончания в народном суде производства по делу, в связи с недостижением примирения между супругами, дело по заявлению Молчанова поступило на рассмотрение в Харьковский областной суд. Последний неоднократно назначал дело к слушанию, а затем определением от 30 июля 1949 г. делом производством прекратил за неявкой истца.

В 1951 году Молчанов обратился в Харьковский областной суд с заявлением о расторжении брака с Молчановой. Харьковский областной суд определением от 3 апреля 1951 г. в принятии искового заявления Молчанову отказал.

По протесту Прокурора УССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 28 августа 1951 г. отменила постановление Харьковского областного суда от 3 апреля 1951 г. об отказе в приеме искового заявления от Молчанова и предложила областному суду рассмотреть дело по существу.

Председатель Верховного суда СССР в протесте просит определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР отменить.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР отменила постановление Харьковского областного суда и предложила ему рассмотреть дело по существу, сославшись на то, что поскольку стороны в народном суде не достигли примирения, то, имея об этом соответствующее определение народного суда, истец вправе обратиться в областной суд в любое время, так как закон не устанавливает сроков для обращения в областной суд с иском о разводе.

Эти указания Судебной коллегии

по гражданским делам Верховного суда УССР не имеют отношения к данному делу. Речь в данном случае идет не о том, что Молчанов обратился в областной суд с пропуском срока, а о том, что он, несмотря на прекращение производством ранее возбужденного им дела о расторжении брака, вторично обратился непосредственно в областной суд с иском о расторжении брака, минуя стадию рассмотрения дела в народном суде.

Прекращение дела за неявкой истца в судебное заседание не лишает его права на предъявление нового иска. Однако новый иск о расторжении брака может быть заявлен только на общих основаниях, начиная со стадии примирения в народном суде с соблюдением всех требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и Инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г.

При наличии таких обстоятельств следует признать, что областной суд правильно отказал Молчанову в приеме искового заявления.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 28 августа 1951 г., а постановление Харьковского областного суда от 3 апреля 1951 г. оставить в силе.

6. ЧЛЕНЫ СЕМЬИ СЪЕМЩИКА, У КОТОРЫХ В СВЯЗИ С ОСУЖДЕНИЕМ ОСНОВНОГО СЪЕМЩИКА БЫЛА ИЗЪЯТА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ ЖИЛАЯ ПЛОЩАДЬ, МОГУТ ТРЕБОВАТЬ ВОЗВРАТА НЕПРАВИЛЬНО ИЗЪЯТОЙ У НИХ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ СУДЕБНЫМ ПОРЯДКОМ В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ СО ДНЯ ИЗЪЯТИЯ ПЛОЩАДИ

Определение по делу № 36/1121 по иску Листофоровой к Сидоренко о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение

Верховного суда УССР от 13 июля 1951 г. по иску Листофоровой к Сидоренко о выселении из квартиры. Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Гр-ка Листофорова—законный опекун своего сына, рождения 1941 года, действуя в его интересах, предъявила в суде иск к Сидоренко о выселении из квартиры, в которой истица проживала до августа 1946 года. 3 августа 1946 г. Листофорова была осуждена судом по ст. 127 УК УССР за спекуляцию к лишению свободы, а сына ее взяла к себе бабушка. После освобождения истицы Листофоровой из-под стражи и возвращения на прежнее место жительства она, обнаружив, что ее квартира занята ответчиком Сидоренко, предъявила к нему иск о выселении.

Народный суд 7-го участка Кагановичского района г. Одессы 26 февраля 1951 г. решил выселить Сидоренко и освободившуюся квартиру предоставить Листофоровой, ордер, выданный на имя Сидоренко 19 июня 1950 г. на занятие указанной квартиры, аннулировать, обязав райжилотдел предоставить Сидоренко другую жилую площадь.

Одесский областной суд определением от 15 марта 1951 г. отменил решение народного суда и в иске Листофоровой о выселении Сидоренко отказал.

По протесту Председателя Верховного суда УССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР 13 июля 1951 г. отменила определение Одесского областного суда и оставила в силе решение народного суда, которым иск Листофоровой о выселении Сидоренко был удовлетворен.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда УССР и оставлении в силе определения Одесского областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Народный суд, удовлетворяя иск Листофоровой о выселении из спорной квартиры Сидоренко, указал, что истица в силу п. 15 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. имеет право на возврат жилой площади, на кото-

рой она ранее проживала со своим несовершеннолетним сыном.

По этим же мотивам Верховный суд УССР отменил определение областного суда и оставил в силе решение народного суда.

Как решение народного суда, так и определение Верховного суда УССР являются неправильными.

Истица утратила право на спорную жилплощадь, так как она была осуждена к лишению свободы, а в силу п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. съемщики, выбывшие из жилых помещений вследствие вступившего в законную силу обвинительного приговора, по которому съемщик осужден к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, теряют право на жилое помещение с момента приведения приговора в исполнение.

Что же касается членов семьи истицы, в частности ее сына, то он утратил право на спорную жилую площадь в силу п. 15 того же постановления Пленума Верховного суда СССР, согласно которому члены съемщика, у которых в связи с осуждением основного съемщика была изъята в административном порядке жилая площадь, могут требовать возврата неправильно изъятой у них жилой площади судебным порядком в течение шести месяцев со дня изъятия площади. Иски членов семьи, предъявляемые после этого срока, удовлетворению не подлежат, и лица, не заявившие в указанный срок требования в суде о возврате жилой площади, должны считаться утратившими право на принадлежавшую им ранее жилую площадь.

Из материалов дела видно, что сын истицы еще до ее ареста проживал у бабушки в деревне, где оставался до последнего времени.

После ареста истицы спорная комната в течение года была свободна, а затем по ордеру жилищных органов была предоставлена Верещак, с которой Сидоренко произвел обмен жилой площадью на основании решения райисполкома от 12 июня

1950 г. С указанного времени Сидоренко проживает со своей семьей в спорной комнате.

Сидоренко является инвалидом Отечественной войны, другой жилой площади не имеет, и для его выселения у народного суда не было оснований, так как истица и ее сын утратили право на спорную площадь. Областной суд на основании собранных по делу доказательств и в соответствии со ст. 277 ГК УССР правильно отменил решение народ-

ного суда и в иске Листофоровой о выселении Сидоренко отказал.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Отменить определение Верховного суда УССР от 13 июля 1951 г. и оставить в силе определение Одесского областного суда от 15 марта 1951 г., которым в иске Листофоровой о выселении Сидоренко отказано.

7. РЕГРЕСНЫЕ ИСКИ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ О ВОЗМЕЩЕНИИ ИМ ВЫПЛАЧИВАЕМЫХ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПОСОБИЙ И ПЕНСИЙ НА ОСНОВАНИИ СТ. 413 ГК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ ГРАЖДАНСКИХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПОДЛЕЖАТ УДОВЛЕТВОРЕНИЮ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ БУДЕТ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ВРЕД ПРИЧИНЕН ПРЕСТУПНЫМ ДЕЙСТВИЕМ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЕМ СТРАХОВАТЕЛЯ

Определение № 36/1076 по иску Цаленджихского районного отдела социального обеспечения к Джварской сплавной конторе о взыскании 6796 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Цаленджихского района от 17 октября 1950 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 20 декабря 1950 г. по иску Цаленджихского районного отдела социального обеспечения к Джварской сплавной конторе о взыскании 6796 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Цаленджихский районный отдел социального обеспечения обратился с иском к Джварской сплавной конторе о взыскании 6796 руб. Свои требования истец мотивировал тем, что за период с 1 января 1948 г. по 1 сентября 1949 г. работнику сплава Гогохия, получившему на производстве увечье по вине администрации сплавной конторы, выплачивалась пенсия, которую истец просил взыскать с ответчика в порядке регресса.

Народный суд Цаленджихского района решением от 17 октября 1950 г. иск удовлетворил. Судебная коллегия Верховного суда Грузин-

ской ССР определением от 20 декабря 1950 г. это решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Грузинской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. № 11/М/6/У «О судебной практике по искам из причинения вреда», регрессные иски профсоюзных организаций и органов социального обеспечения о возмещении им выплачиваемых потерпевшему пособий и пенсий на основании ст. 413 ГК подлежат удовлетворению, если будет установлено, что вред причинен преступным действием или бездействием страхователя. Под преступным же действием или бездействием страхователя понимается установление компетентными органами несоблюдения страхователем или лицами, осуществляющими технический надзор за работами, действующих правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирую-

ших применение труда, имевшее своим последствием несчастный случай с потерпевшим.

При разрешении настоящего дела суд не выяснил обстоятельств, при которых произошел несчастный случай с Гогохия, и не установил, произошел ли он по вине администрации сплавной конторы или является страховым случаем, за который ответчик, как страхователь, ответственности не несет.

Не проверив обоснованности исковых требований истца и не истребовав по этому вопросу заключения органов по технике безопасности, суд нарушил тем самым ст. ст. 6 и 126 ГПК Грузинской ССР.

Кроме того, согласно п. 22 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., течение давностных сроков по регрессным искам начинается для требования о возмещении выплачиваемой потерпевшему пенсии по инвалидности со дня каждой периодической выплаты

пенсии. Право на предъявление регрессного иска к государственным, кооперативным и общественным предприятиям и организациям погашается полуторагодовой исковой давностью. В данном случае иск предъявлен через два с половиной года после первой выплаты пенсии Гогохия. Таким образом, требования истца в части возмещения выплаченной потерпевшему пенсии за первый год после полученного им увечья предъявлены с пропуском срока исковой давности. Суд же, не обсудив вопроса о возможности восстановления срока исковой давности, требования отдела социального обеспечения полностью удовлетворил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд.

8. ЕСЛИ К МОМЕНТУ РАССМОТРЕНИЯ В СУДЕ ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО УВЕЧЬЕМ, НЕ РАЗРЕШЕН ВОПРОС О НАЗНАЧЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПОСОБИЯ ЛИБО ПЕНСИИ В ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ИЛИ В ОРГАНАХ СОБЕСА, СУД ДОЛЖЕН ПРИОСТАНОВИТЬ ПРОИЗВОДСТВО ДЕЛА В СУДЕ

Определение по делу № 361702 по иску Лазебникова к центральному мастерским «Узремвес»

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 августа 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Ташкентского областного суда от 6 февраля 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР от 17 марта 1951 г. по иску Лазебникова к центральному мастерским «Узремвес» о взыскании возмещения вреда, причиненного увечьем.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Лазебников с 1947 по 1949 год работал в центральных мастерских «Узремвес» токарем 7-го разряда. 16 февраля 1949 г. на производстве с Лазебниковым произошел несчаст-

ный случай, в результате которого осколком металла ему был поврежден левый глаз, который впоследствии был удален. В настоящее время Лазебников работает в тех же мастерских контролером с месячным окладом 690 руб.

Лазебников в сентябре 1949 года обратился в суд с иском к центральному мастерским «Узремвес» о взыскании разницы в зарплате, получаемой им до увечья и после увечья.

Решением Ташкентского областного суда от 6 февраля 1951 г. иск Лазебникова был удовлетворен с зачетом в счет присужденных платежей заработной платы, получаемой Лазебниковым после увечья.

Решение областного суда Верхов-

ный суд Узбекской ССР 17 марта 1951 г. оставил в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Ташкентского областного суда от 6 февраля 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР от 17 марта 1951 г. подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» при определении размера возмещения за увечье суд обязан принять во внимание назначенную потерпевшему пенсию либо пособие по социальному страхованию или социальному обеспечению и на соответствующую сумму уменьшить размер возмещения за вред.

Как видно из дела, истец Лазебников комиссию по назначению пенсии в связи с увечьем не проходил, так как он получает пенсию как инвалид Отечественной войны в сумме 280 руб. Эта пенсия не может зачитываться при определении разме-

ра возмещения за вред в связи с увечьем.

Поскольку к моменту рассмотрения дела в суде вопрос о назначении истцу Лазебникову пенсии или пособия в связи с увечьем разрешен не был, суд должен был приостановить производством дело в суде впредь до разрешения в соответствующих органах вопроса о назначении Лазебникову пенсии за увечье.

Кроме того, суд не установил, в чем заключается вина предприятия, хотя данный иск предъявлен по основаниям, предусмотренным ст. 413 ГК, и для возложения ответственности за вред требуется установить вину предприятия.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: Решение Ташкентского областного суда от 6 февраля 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР от 17 марта 1951 г. отменить и дело для нового рассмотрения направить в Ташкентский областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

9. ПРИ НАЛИЧИИ УСЛОВИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В П. «Д» СТ. 113 ГК РСФСР, СУД ОБЯЗАН ПРИОСТАНОВИТЬ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ, А НЕ НАПРАВЛЯТЬ ЕГО ДЛЯ ПРИОБЩЕНИЯ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Определение по делу № 36/969 по иску Управления Гострудоберкасс к Козловой и Лазутченко о взыскании 30 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 ноября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда Шалыгинского района от 25 июня 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 25 января 1950 г. по иску Управления Гострудоберкасс к Козловой и Лазутченко о взыскании 30 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В 1945 году Козлова, работавшая заведующей сберкассой, и Лазутченко, работавший главным бухгалтером сберкассы, выдали по доверенности сельсовета кассиру колхоза

Ивченко на 30 000 руб. облигаций государственного займа.

По заявлению Ивченко, последняя передала облигации государственного займа налоговому агенту по Тулиголовскому сельсовету Шаповаловой.

По ошибке контролера сберкассы сумма 30 000 руб. за облигации на счег агента Шаповаловой записана не была, вследствие чего с Шаповаловой никто не требовал денег, полученных ею от реализации государственного займа, и она, не отчитавшись на указанную сумму, в августе 1945 года уволилась с работы, получив полный расчет по работе.

Ошибка контролера сберкассы

была вскрыта лишь в начале 1946 года при годовом отчете сберкассы.

Против Шаповаловой было возбуждено уголовное дело, но производство по делу приостановлено, так как она скрылась и в отношении ее объявлен всесоюзный розыск.

В мае 1946 года Управление Гострудсберкасс обратилось в народный суд с иском о взыскании с Козловой и Лазутченко 30 000 руб. на том основании, что по халатности этих лиц облигации на 30 000 руб. не были отражены в лицевом счете Шаповаловой, ввиду чего сумма эта не была с последней удержана при увольнении.

Народный суд 2-го участка Глуховского района решением от 16 мая 1949 г. в иске отказал.

Сумской областной суд определением от 29 июня 1949 г. отменил решение народного суда и дело перешло на новое рассмотрение.

25 июля 1949 г. народный суд Шалыгинского района дело по иску Управления Гострудсберкасс к Козловой и Лазутченко о взыскании 30 000 руб. направил прокурору для приобщения к уголовному делу Шаповаловой. Кроме того, народный суд вынес определение о возбуждении уголовного дела против бывшего контролера сберкассы Устюжаниной, не записавшей на лицевой счет Шаповаловой отыскиваемой суммы.

25 января 1950 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР отклонила протест Председателя Верховного суда УССР, который был принесен на отмену определения народного суда.

Протест Председателя Верховного суда СССР по настоящему делу подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Направляя дело по иску Управления Гострудсберкасс к Козловой и Лазутченко прокурору для приобщения к уголовному делу Шаповаловой, суд не определил процессуального положения предъявленного к Козловой и Лазутченко иска и не указал в определении, считать ли производство по нему прекращенным

в порядке гражданского судопроизводства или оно должно считаться приостановленным впредь до окончательного разрешения уголовного дела.

Оставляя в силе определение народного суда, Верховный суд УССР в своем определении указал, что вопрос о материальной ответственности Козловой и Лазутченко не может быть разрешен до разрешения уголовного дела по обвинению Шаповаловой.

Давая такое указание, Верховный суд УССР упускает из виду, что ответчики являлись должностными лицами, обслуживающими денежные ценности, и в соответствии с постановлением НКТ СССР № 339 от 6 ноября 1930 г.¹ за ущерб, причиненный ими учреждению вследствие халатного отношения к работе и непринятия необходимых мер, обеспечивающих правильное поступление, прием и хранение денежных ценностей, должны нести самостоятельную ответственность, независимо от уголовной ответственности Шаповаловой.

С этой точки зрения правильными являются указания Сумского областного суда, который, передавая 29 июня 1949 г. настоящее дело на новое рассмотрение, предложил народному суду при новом рассмотрении дела выяснить, при каких обстоятельствах облигации оказались в руках Шаповаловой и имеются ли в действиях ответчиков какие-либо упущения, обусловившие причинение ущерба сберкассе.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение народного суда Шалыгинского района, Сумской области, от 25 июля 1949 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР от 25 января 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей с участием прокурора.

¹ «Известия НКТ СССР» 1930 г. № 31—32.

10. ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЛЕСОНАРУШЕНИЯХ СУДЫ ДОЛЖНЫ ТЩАТЕЛЬНО ИЗУЧАТЬ ОБСТАНОВКУ, ПРИ КОТОРОЙ СОВЕРШЕНО ЛЕСОНАРУШЕНИЕ, ВЫЯВЛЯТЬ НЕДОСТАТКИ В ПОСТАНОВКЕ ОХРАНЫ ЛЕСОВ И ЧАСТНЫМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДОВОДИТЬ О НИХ ДО СВЕДЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОРГАНОВ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ НАДЛЕЖАЩИХ МЕР

Определение по делу № 36/1000 по иску Лесхоза к Москаленко о возмещении ущерба за лесонарушение

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 ноября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда Тираспольского района Молдавской ССР от 16 мая 1951 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 20 июня 1951 г. по иску Лесхоза к Москаленко о возмещении ущерба, причиненного лесонарушением.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Решением народного суда Тираспольского района Молдавской ССР от 16 мая 1951 г. удовлетворен иск Лесхоза о возмещении ущерба, причиненного лесонарушением.

Верховный суд Молдавской ССР определением от 20 июня 1951 г. решение народного суда оставил в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Молдавской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Акт о лесонарушении был составлен с грубым нарушением Инструкции о порядке привлечения к ответственности лесонарушителей в лесах государственного и местного значения СССР, утвержденной постановлением СНК СССР 22 декабря 1939 г.¹

Между тем в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г. «О судебной практике по гражданским делам о лесонарушениях» суд обязан был в порядке предварительной подготовки дела проверить, соответствует ли акт о лесонарушении требованиям Инструкции, утверж-

денной СНК СССР 22 декабря 1939 г.

Как видно из объяснений ответчицы Москаленко и двух свидетелей, акт о лесонарушении вообще не составлялся. Лесник предложил ответчице расписаться на чистом листке бумаги, после чего акт о лесонарушении был составлен лесником в отсутствие ответчицы и свидетелей.

Москаленко, отрицая факт рубки сырораствующих деревьев, указала, что она собирала в лесу сухой хворост. Ее объяснения подтверждаются показаниями свидетелей.

В деле имеются материалы, свидетельствующие о том, что лесник, составивший акт о лесонарушении, систематически злоупотреблял своим служебным положением, составляя фиктивные акты.

Все эти факты обязывали суд на основании пп. 2 и 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г. тщательно проверить все обстоятельства дела, обсудить вопрос о законности действий лесника и действительности составленного акта о лесонарушении, а также проверить представленный истцом расчет ущерба, нанесенного ответчицей. При этом, если акт о лесонарушении не удовлетворяет требованиям Инструкции или представленные Лесхозом доказательства являются недостаточными, суд обязан был известить об этом Лесхоз и назначить ему срок для восполнения недостатков.

Между тем суд не выяснил обстоятельств дела, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора, чем грубо нарушена ст. 7 ГПК УССР.

Кроме того, суд рассмотрел дело в отсутствие представителя Лесхоза, которому повестка о явке в суд не была вручена.

¹ СП СССР 1940 г. № 2, ст. 29.

При новом рассмотрении дела суду надлежит вызвать представителя Лесхоза, признать обязательной явку в суд составителя акта и выявить недостатки в постановке охраны лесов, с тем, чтобы частным определением довести о них до сведения соответствующих органов.

Ввиду изложенного Судебная кол-

легия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда Тираспольского района от 16 мая 1951 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 20 июня 1951 г. отменить, а дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Молдавской ССР по 1-й инстанции с участием прокурора.

11. СПОРЫ МЕЖДУ УЧРЕЖДЕНИЯМИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ НИМИ ДОГОВОРА, НА СУММУ СВЫШЕ 1000 РУБ. НЕ ПОДЛЕЖАТ РАССМОТРЕНИЮ В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ И РАЗРЕШАЮТСЯ ГОСАРБИТРАЖЕМ

Определение № 36/1086 по иску Московского жилищного управления к Заводу о невыполнении условий договора надстройки дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Московского городского суда и на определение Верховного суда РСФСР по иску Московского жилищного управления к Заводу о невыполнении условий договора надстройки дома.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Золотов предъявил к Заводу иск о переоборудовании силами и средствами ответчика кухни в занимаемой им квартире под жилое помещение, а жилой комнаты под кухню. Свои требования истец обосновывал тем, что ответчик, производя надстройку одного этажа дома, нарушил планировку жилых и нежилых помещений других этажей дома, в результате чего его жилая комната оказалась затемненной и расположенной под помещением санитарного узла надстроенного этажа.

Позднее в дело вступило Жилищное управление Моссовета с самостоятельными требованиями. Жилищное управление просило суд обязать Завод выполнить все работы по переустройству в указанном

доме в соответствии с требованиями Госстройконтроля.

Решением Московского городского суда, рассмотревшего дело по 1-й инстанции, в иске Золотову отказано, а иск Жилищного управления Моссовета удовлетворен. В соответствии с этим решением ответчик был обязан произвести переоборудование мест общего пользования в шести квартирах трех нижних этажей дома.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР решение Московского городского суда оставлено в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Московского городского суда и определения Верховного суда РСФСР в части исковых требований жилищного управления Моссовета и о прекращении в судебном порядке производства по делу в этой части подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Спор между Жилищным управлением и Заводом, связанный с выполнением обязательств по договору надстройки дома, в силу ст. 21 ГК РСФСР суду неподведомственен, а потому это дело судом принято к своему рассмотрению неосновательно.

В соответствии со ст. 2 Положе-

ния о государственном арбитраже (постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1931 г.¹⁾ возникший между сторонами спор по выполнению условий договора надстройки дома подлежит разрешению в арбитражном порядке, причем на подведомственность данного спора Госарбитражу не влияет то обстоятельство, что Московское жилищное управление вступило в дело, возбужденное первоначально по иску Золотова к Заводу.

Требования Золотова к Заводу не связаны с возникшим спором между этим Заводом и Московским жилищным управлением, ввиду чего указанные иски были объединены в одно производство неправильно.

Учитывая, что дело по иску Мо-

сковского жилищного управления к Заводу суду неподведомственно и что решение суда, которым ответчик обязан был произвести в доме переоборудования, до настоящего времени не исполнено, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР в части, касающейся иска Московского жилищного управления к Заводу о невыполнении условий договора надстройки дома, отменить и производство по делу в этой части в судебном порядке прекратить, передав его на разрешение по подведомственности в Госарбитраж при Совете Министров СССР. В остальном решение суда оставить в силе.

12. В СЛУЧАЕ УТРАТЫ ДОКУМЕНТА С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ, УЧИНЕННОЙ НОТАРИУСОМ, ДУБЛИКАТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫДАН НОТАРИАЛЬНОЙ КОНТОРОЙ ТОЛЬКО НА ОСНОВАНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО НАРОДНЫМ СУДОМ ПО ПРОСЬБЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ СТОРОНЫ

Определение по делу № 36/1056 по заявлению Конторы Сельхозбанка о выдаче дубликата исполнительной надписи

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 8 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда 1-го участка Сталинского района г. Риги от 26 июня 1951 г. и на определение Верховного суда Латвийской ССР от 14 июля 1951 г. по заявлению Латвийской республиканской конторы Сельхозбанка о выдаче дубликата исполнительной надписи.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В июне 1951 г. Латвийская республиканская контора Сельхозбанка обратилась в народный суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительной надписи о взыскании просроченной ссуды, выданной банком гр-ке Аумалис.

Народный суд 1-го участка Ста-

линского района г. Риги 26 июня 1951 г. вынес определение, согласно которому обязал 1-ю Рижскую нотариальную контору выдать дубликат исполнительной надписи для взыскания задолженности по ссуде с Аумалис в пользу Конторы Сельхозбанка.

Верховный суд Латвийской ССР 14 июля 1951 г. отменил определение народного суда и дело производством прекратил за неподсудностью.

Коллегия считает, что определение Верховного суда Латвийской ССР о прекращении дела производством подлежит отмене по следующим основаниям:

В определении Верховного суда Латвийской ССР указано, что дубликат исполнительной надписи обязана выдавать нотариальная контора, суд же этого вопроса разрешать не может, так как в силу ст. 190 ГПК суду предоставлено пра-

¹ СЗ СССР 1931 г. № 26, ст. 203.

во выдавать дубликаты только исполнительных листов.

Эти доводы, изложенные в определении Верховного суда Латвийской ССР, являются неправильными.

Статьей 41 «Положения о нотариате Латвийской ССР» предусмотрено, что в случаях утраты документа с учиненной на нем исполнительной надписью дубликат исполнительной надписи выдается по определению народного суда. Заявление о выдаче дубликата исполнительной надписи подается народному суду по месту выдачи исполнительной надписи.

Следовательно, у народного суда имелись все законные основания к тому, чтобы принять заявление Конторы Сельхозбанка о выдаче дубликата исполнительной надписи и разрешить этот вопрос по существу.

Из дела видно, что исполнительная надпись о взыскании с Аумалис просроченной платёжом ссуды была учинена 1-й Рижской нотариальной конторой по реестру за № 16300.

Установив, что документ с исполнительной надписью действительно

утрачен, суд правильно поступил, удовлетворив ходатайство Конторы Сельхозбанка о выдаче дубликата исполнительной надписи.

То обстоятельство, что народный суд неточно сформулировал резолютивную часть определения, указав, что нотариальная контора обязана выдать исполнительную надпись вместо того, чтобы указать о выдаче дубликата исполнительной надписи, не может служить основанием для отмены этого определения народного суда, являющегося правильным по существу.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда Латвийской ССР от 14 июля 1951 г.

Определение народного суда 1-го участка Сталинского района г. Риги от 26 июня 1951 г. изменить, указав на то, что нотариальная контора обязана выдать дубликат исполнительной надписи о взыскании с Аумалис задолженности по ссуде в пользу Латвийской республиканской конторы Сельхозбанка.

13. ЕСЛИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗАИНТЕРЕСОВАННОЕ ЛИЦО ВОЗБУДИТ СПОР О ПРАВЕ ГРАЖДАНСКОМ, ДЕЛО В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОДЛЕЖИТ ПРЕКРАЩЕНИЮ

Определение по делу № 36/684 по жалобе Шевченко на действия нотариуса

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 июля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Запорожского областного суда от 9 апреля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 29 апреля 1949 г. по жалобе Шевченко на действия нотариуса, удостоверившего договор купли-продажи дома.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В январе 1947 года нотариус Нотариальной конторы г. Запорожья оформил договор купли-продажи до-

ма между Фастовым и Троценко с одной стороны, и Пилипченко и Шевченко Т. Н. — с другой.

После смерти Шевченко Т. Н. ее сын, Шевченко Г. М., обратился в областной суд с жалобой на действия нотариуса, удостоверившего договор купли-продажи, указывая на то, что нотариус при удостоверении договора неправильно оформил половину домовладения на имя Пилипченко, так как дом был приобретен полностью на деньги матери, сама же мать, Шевченко Т. Н., в заключении договора купли-продажи дома не участвовала, и ее подпись на договоре является подложной.

Запорожский областной суд определением от 9 апреля 1949 г. действия нотариуса по оформлению указанного договора купли-продажи дома признал правильными, а жалобу Шевченко Г. М. отклонил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 29 апреля 1949 г. определение областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения областного суда и определения Верховного суда УССР и прекращении дела в порядке особого производства подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Областной суд неправильно принял от Шевченко Г. М. жалобу на действия нотариуса, поскольку из дела видно, что Шевченко Г. М. оспаривает право Пилипченко на половину дома.

При наличии же между Шевченко Г. М. и Пилипченко спора о праве гражданском дело могло быть рассмотрено только в общеисковом порядке путем предъявления Шевченко Г. М. иска о признании договора купли-продажи дома недействительным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР вместо отмены определения областного суда и прекращения дела производством оставила это определение в силе.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Запорожского областного суда от 9 апреля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 29 апреля 1949 г. и дело в порядке особого производства прекратить.

О П Е Ч А Т К И,

замеченные в номерах журнала „Судебная практика Верховного суда СССР“ за 1952 год

Номер журнала	Страница	Заголовок, подзаголовок	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
№ 1	9	подзаголов.	—	2	от 11 июня 1949 г.	от 11 июня 1951 г.
№ 1	15	—	левая	2 снизу	Московско-Казанской ж. д.	Московско-Киевской ж. д.
№ 2	34	—	правая	4 снизу	не производить	не прекращать

Редактор **А. А. ВОЛИН**

И

чество юридической литературы, 19. Тел. Ж 2-46-67.

А00141
Уч.-изд. л.
Зак. 971.

ЮФ СПБГУ

Подписано к печати 4/IV 1952 г.
< 108¹/₁₆ = 1,5 бумажных — 4,11 печат. л.
экз. Цена 1 р. 50 к.
р. **Е. Н. Косарева**

13-я типограф...

га при Совете Министров СССР.

Москва, Гарднеровский пер., 1а

Цена 1 р. 50 к.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Государственное издательство юридической литературы имеет на складе разрозненные номера периодических изданий.

Журнал „СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

За 1948 год №№ 4, 7, 11, 12

• 1949 „ №№ 1, 9

• 1950 „ с № 6 по № 12

• 1951 „ №№ 1, 2, 3, 4, 9

Цена одного номера 3 руб.

„СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР“

За 1949 год с № 1 по № 6

• 1951 „ №№ 3, 4, 7, 8

Цена одного номера 1 р. 50 к.

Указанные номера высылаются наложенным платежом по письменному требованию (без задатка). Требования следует направлять в адрес Государственного издательства юридической литературы: Москва, Таганка, Товарищеский пер., 19.